

Сладкий грех

Автор:

Никола Корник

Сладкий грех

Никола Корник

Маскарад – HarlequinСкандальные дамы высшего общества #2

Лотта Каминз была слишком неосмотрительна, очередным любовным романом она скомпрометировала себя настолько, что ее сказочно богатый муж потребовал развода. Лотта осталась без средств и вынуждена была продавать свою любовь. Но одно дело самой выбирать любовников, и совсем другое – когда выбирают тебя. Лотта отказала всем, мадам пригрозила, что выгонит ее на улицу. Спасение пришло в образе весьма интересного мужчины, к тому же с титулом. Барон Сен-Северин предложил ей щедрое содержание, Лотта подозревала в этом какой-то скрытый подвох, но выбора у нее не было, да и что греха таить – барон ей понравился...

Никола Корник

Сладкий грех

Посвящается Эндрю, которого я так люблю и буду любить всегда

Когда прелестная женщина готова поступить неосмотрительно И слишком поздно понимает, что мужчины предают, Какое волшебство развеет ее печаль, Какое снадобье поможет позабыть вину?

Оливер Голдсмит

Пролог

Июль 1786 года

Ее разбудил негромкий звук, похожий на стук тяжелых капель дождя в оконное стекло. Но дождя не было. Кто-то пытался разбудить ее, бросив в окно горсть мелких камешков. А так хотелось еще тихонько полежать, давая возможность сну сомкнуть свои мягкие объятия. Но звук повторился, на этот раз резкий и короткий, как выстрел. Пришлось открыть глаза. Неясные предрассветные тени прочертили потолок. Это самые первые лучи восходящего солнца прокрались в ее комнату, заставив померкнуть свет ночника. Дверь, ведущая в соседнюю комнату, где спала, сладко посапывая, гувернантка миссис Снук, была приоткрыта.

Стоило стуку повториться в третий раз, как она соскочила с кровати и стремглав кинулась к окну, раздвинула тяжелые портьеры и открыла раму. Чудесное раннее утро, прозрачная синева неба и яркие солнечные лучи, золотой тесьмой украсившие лужайку перед домом.

– Папа!

Отец стоял на дорожке из гравия как раз под ее окном. Он позволил оставшимся в пригоршне мелким камешкам медленно просочиться между сухими, длинными пальцами и поднял руку в приветственном жесте.

– Лотта! Спустись! – Легкий ветерок донес сказанные шепотом слова отца.

Она быстро тревожно оглянулась на дверь соседней комнаты, но сонное похрапывание стало доноситься еще отчетливее. Босиком промчавшись по коридору, по ступеням, казавшимся смутно серыми в неверном свете занимавшегося утра, и холодящему необутые ноги каменному полу, она

оказалась у входной двери. А дом продолжал спать, наполненный тем особым покоем и тишиной, которые бывают лишь в самые ранние рассветные часы.

Отец обнял ее, обхватив большими крепкими руками, став коленями на каменный пол. Лотта тотчас же поняла, что дома сегодня он не ночевал. Крепкий запах табака и эля свидетельствовали об этом. Его волосы, одежда и даже небритые щеки, покрытые мягкой щетиной, – все было пропитано им. Сквозь него чуть слышно пробивался такой любимый и знакомый тонкий аромат сандалового одеколона. Крепко прижав ее к себе, он тихонько прошептал на ухо:

– Лотта! Я ухожу. Я хочу с тобой попрощаться.

Его слова и неотвратимость потери пронзили ознобом от самых кончиков пальцев, быстро захватив все тело и заставив затрепетать. Лотта немного отстранилась, чтобы взглянуть на него, затем спросила:

– Уходишь? А мама знает?

Темная тень промелькнула в глазах отца, таких же карих, как у нее. Он заставил себя улыбнуться. Снова в душе у Лотты проглянуло солнце, но страх затаился где-то в глубине.

– Нет. Пусть это будет нашим секретом, дорогая. Не надо никому говорить, что мы виделись. Скоро я вернусь за тобой, Лотта. Обещаю тебе. Будь умницей.

Он выпрямился, погладив девочку по щеке.

Часы на церкви пробили половину пятого, и она запомнила, как их бой смешался с хрустом гравия под ногами уходящего в сторону дороги отца. Потом его высокая фигура исчезла за поворотом, растворившись в легком утреннем тумане. Хотелось побежать за ним, схватить за куртку, умолять вернуться. Даже сердце забило так, будто она и правда бежала, только слезы закололи глаза где-то там, в глубине, под веками. Солнце уже высоко стояло над верхушками холмов, разгоняя золотыми потоками лучей остатки утреннего тумана. Только теперь Лотта вдруг почувствовала, как ей холодно.

Так в шесть лет жизнь оборвалась в первый раз.

Глава 1

– Это уже пятый посетитель за неделю, потребовавший назад свои деньги.

С этими словами миссис Тронг, постоянная обитательница и жрица храма Венеры, а попросту – профессиональная сводня, решительным шагом ступила в богато убранный будуар. Даже шелковые юбки на ней сердито шуршали и поскрипывали.

– Сотня гиней – вот во что мне это обошлось!

Она остановилась, упершись руками в бока. Ее гневные слова были обращены к женщине, сидящей у туалетного столика.

– Предполагалось, что вы будете приносить доход, мадам! Я наняла вас как диковинку, приманку, одну из самых скандально известных женщин Лондона. Я не ожидала, что вместо этого получу робкую девственницу.

От избытка чувств хорошие манеры изменили ей. Миссис Тронг простерла руки к небу и продолжила:

– Он сказал, вы были настолько холодны, что лишили его всякой возможности проявить свою мужскую силу. Если от вас ожидают развращенности – извольте быть развратны! Приди лорду Боделу в голову мысль провести ночь в обнимку с бесчувственной ледышкой, он бы остался дома в обществе собственной жены.

Лотта Каминз молча слушала обрушившуюся на нее тираду, лишь крепко сжатые кисти рук выдавали ее чувства. Прошла уже неделя с того дня, как она оказалась в заведении миссис Тронг. Подобные вспышки гнева всегда возникали, стоило кому-либо из девушек вызвать неудовольствие хозяйки. Ничто не могло затронуть слабые струны ее души сильнее, чем требование неудовлетворенного джентльмена вернуть ему деньги. Деньги составляли плоть и кровь миссис Тронг, а потому и ярость сводни была безгранична.

Лотта ненавидела и этот дом, и то, чем она здесь занималась. Чувство глубокого отвращения поднималось в ней с пробуждением, сопровождало и не отпускало весь день, и, наконец, стоило только уснуть – вновь возникало в ночных кошмарах. Разве можно было предположить, что куртизанки живут так! Она считала себя такой изощренной и опытной, дерзко полагая, что завоюет себе место в полусвете как профессионалка. Боже, какая самонадеянность! И все же, возможно, у нее были шансы выжить в этом новом для нее мире? Лотта знала себе цену и без иллюзий смотрела на жизнь. У нее была возможность убедиться в силе своих женских чар и любовной пылкости. Она будет получать деньги за любовь и, возможно, удовольствие... Только став куртизанкой, она поняла, насколько реальность далека от ее представлений.

Пора отбросить браваду и честно взглянуть в глаза действительности. Уверенность в себе рассеялась как утренний туман, уступив место панической мысли о том, сколь глубоко она заблуждалась. Разве можно было предположить, насколько унижительно присутствовать, когда о тебе говорят, обсуждают и, наконец, продают, как какой-нибудь кусок мяса в лавке? Что она могла знать о пренебрежении, с каким будут относиться к ее чувствам, – купленная и использованная вещь не имеет на них права. И если уж быть честной до конца, Лотта даже не представляла, насколько омерзительными могут быть иные мужчины. Прежде она сама выбирала с кем спать, и ее любовники были ей приятны. Это вполне укладывалось в рамки ее представлений. Но сейчас выбирала не она – выбирали ее. А это совсем другое дело!

Именно это больнее всего ранило Лотту! Она чувствовала, что начнет сходить с ума, если не изменит своего положения.

Но как? И куда ей идти?

Идти некуда и не к кому. Она стала изгоем в родной семье, друзья отказались от нее. Лотта не знала, где сможет работать, да и ее печальная репутация отпугивала людей. К тому же она должна миссис Тронг порядочную сумму. Все деньги ушли на услуги врачей и туалеты, соответствующие статусу не дешевой шлюхи, а дорогой куртизанки. Так она попала в долговые сети, из которых нелегко вырваться.

Лотта обвела взглядом будуар с большой кроватью, скрытой за кисейными драпировками, и позолоченными стульями, напоминающими по форме морские

раковины. Эти золотые и пурпурные тона были вызывающими и безвкусными. Она презирала и ненавидела дешевый шик, казавшийся наглядной иллюстрацией того, к чему она пришла.

– Я не могу вас понять! Ходят слухи о том, что вы вели себя довольно свободно и неразборчиво, будучи замужем.

Лотта продолжала молчать, и утомленная долгой гневной речью сводня тяжело плюхнулась на пурпурное покрывало роскошного ложа. Пружины жалобно звякнули под ее тяжестью.

– Вам придется заплатить за ваше желание разыгрывать невинность! – тоном не терпящим возражений закончила она.

Лотта плотно сжала губы, чтобы не дать сорваться необдуманным словам. Возражать миссис Тронг – непозволительная роскошь в ее положении. В противном случае ее ждет улица. Быть ходовым товаром или голодать – таково ее реальное положение. И не ей выбирать покупателя.

Задумчиво передвигая баночки с ароматными лавандовыми и розовыми кремами для кожи, пахнущими, пожалуй, чересчур сильно, и гримом довольно ярких и определенных цветов, призванных подчеркнуть ее естественную красоту, Лотта пыталась подавить поднимающуюся откуда-то изнутри неприятную дрожь. Каждая мелочь, ее окружавшая, словно ярлык на товаре, со всей определенностью указывала на то, чем она зарабатывает на жизнь.

Лотте вдруг нестерпимо захотелось одним движением руки смахнуть всю эту мишуру на пол и увидеть, как все это покатится в разные стороны, расколется и разлетится вдребезги. Может, это принесет какое-то облегчение?

– Я не смогла. Вот и все.

– Интересно, с чего бы это? Сколько было у вас мужчин? – спросила миссис Тронг, всем своим видом выражая полное негодование.

– Не так уж и много.

Немного, если сравнивать с тем, что приписывали ей досужие сплетники.

Миссис Тронг вдруг вздохнула, и, кажется, в ее глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. Возможно, эхо, чуть слышный отголосок тех времен, когда торговля живым товаром еще не стала основой ее благополучия.

– Вам необходимо собраться с духом, – с грубоватым сочувствием сказала она. – Или окажетесь среди тех, кто ожидает клиентов стоя перед театром, а это не подходит для леди. Здесь, по крайней мере, вам обеспечен кров!

Лотта перехватила быстрый, цинично оценивающий ее взгляд.

– К тому же вы не молодеете, не так ли? Что остается разведенной и опороченной в глазах общества женщине?

– Ничего, – тихим эхом откликнулась Лотта. – Ничего! – повторила она.

Видит бог, как часто приходили к ней те же мысли. Отчаянно пытаюсь найти выход, она вспоминала, что все двери для нее закрыты и найти не столь скандальное средство заработать на жизнь невозможно! Было время, когда сама мысль о том, чтобы зарабатывать самой, казалась смешной и глупой. Это не для нее, а для тех, кому не слишком повезло в жизни. Теперь же Лотта могла надеяться только на себя.

– Я очень постараюсь, – пообещала она, старательно скрывая отчаяние, рвущееся изнутри. Ей совсем не хотелось дать миссис Тронг еще большую власть над собой, чтобы та почувствовала, что она на пределе.

– Хотелось бы верить, – заключила миссис Тронг, резво поднимаясь на ноги. – На завтра намечена вечеринка в узком кругу – всего несколько девушек и самые избранные джентльмены. – Сводня вновь пронзила Лотту быстрым взглядом. – Думаю, вы понимаете, чего я от вас ожидаю!

Лотта почувствовала, как ужас и боль комом поднимаются в горле. Тяжело сглотнув, она постаралась поскорее избавиться от него и только молча кивнула в знак согласия. «Нет, я не поддамся! Я не позволю свести себя с ума!» В дверь постучали, и Бетси, одна из девушек, заглянула, приоткрыв дверь будуара,

блеснув любопытными черными глазами.

– Прошу прощения, миссис Тронг, но там уже ждет следующий гость Лотты.

– Прекрасно! – удовлетворенно отозвалась сводня. – Вот мы и увидим, останется ли он доволен вами.

Дверь широко открылась, позволяя увидеть на золотисто-красном фоне ковра в холле очередного посетителя. Бросались в глаза его ярко-зеленый камзол и невероятно похотливое выражение лица. Джон Хаган. Один из персонажей ее прежней жизни. Он и тогда не мог скрыть своего вожделения, а сейчас готов был заплатить любые деньги, чтобы она удовлетворила все его фантазии. В такой ситуации Лотта не могла отказать. Паника поднялась в ее душе, перехватив дыхание.

– Я не могу!

Миссис Тронг, взметнув юбками, мгновенно развернулась к ней, как разъяренная кобра.

– В таком случае вам лучше уйти прямо сейчас.

На Лотту обрушилась вся сила отчаяния, сокрушившая остатки воли. Так часто на протяжении последних месяцев она была на самом краю этой бездны и все же удержалась. Сначала Грегори объявил о желании развестись с ней. Тогда все происходящее показалось ей чем-то неправдоподобным, какой-то чудовищной ошибкой. Затем, когда он отослал ее, отказавшись видеться, не отвечая и даже не вскрывая ее писем с холодящей душу методичной жестокостью, пришло понимание того, что Лотта сама совершила ошибку. Она легкомысленно нарушила существовавшее между ними негласное соглашение. Пресса немедленно предала гласности ее легкомысленный поступок, выставив на посмеище мужа. Лотта нанесла ощутимый удар по репутации Грегори, действуя слишком открыто, а потому вопиюще, и этому не могло быть прощения. Ее следовало наказать.

Когда она обратилась за помощью к семье, ей отказали. Друзья отвернулись от нее, прервав всякое общение. Однако оставалось два человека в ее жизни, которые наверняка согласились бы помочь, но, к несчастью, оба находились за

границей, и связаться с ними не было возможности.

Грегори охотно оплатил все судебные издержки, связанные с бракоразводным процессом, желая, чтобы все закончилось как можно быстрее. В день начала суда он известил Лотту о необходимости оставить дом. Все то время, пока шел процесс, мысль о нереальности происходящего не покидала ее, болезненно раня наступающим одиночеством.

Теперь, окончательно обесчещенная, она поверила во все происходящее.

Хаган приближался уверенным шагом, пыхтя и отдуваясь. Миссис Тронг сияла самой приятной из всех своих улыбок, кланяясь и приглашая гостя войти. Лотта судорожно сжала кружева прозрачного пеньюара у самого горла.

– Моя дорогая Лотта, какое счастье увидеться с вами вновь...

Хагана просто распирало от предвкушения триумфа. Лицемерно склонившись к ее руке в попытке создать видимость любезной вежливости, этот ханжа не пытался скрыть своего желания воспользоваться тем, что она попала в западню, из которой нет выхода. При этом его глаза блуждали по прозрачной одежде Лотты, остановившись на выпуклости груди и спускаясь ниже. Во рту у Лотты вдруг пересохло, сердце забилося так, что она вздрогнула. Склонив голову, она сосредоточила все внимание на завернувшемся уголке ковра.

– Сто гиней, – слышался голос миссис Тронг, и Лотта увидела, как та протянула руку за деньгами.

– Моя дорогая миссис Тронг... – с оттенком огорчения произнес Хаган. – Мне довелось услышать кое-что об этой вашей маленькой шлюшке. Говорят, что она может сильно разочаровать. – В голосе Хагана зазвучала злость. – Я согласен платить, но не вперед, а лишь после того и при условии, что она сумеет мне угодить.

Видно было, что миссис Тронг находится в нерешительности. Лотта ощущала жар ладони Хагана, который по-хозяйски положил руку ей на плечо. Тонкая материя ее не защищала. В ней все содрогалось, сопротивляясь близости с этим человеком. Однако, находясь перед выбором между голодной смертью и возможностью продать то единственное, чем владеешь, о каких колебаниях

может идти речь! Это был ее собственный выбор, только этим и можно подсластить горькую правду! Она продавала свое тело, чтобы выжить, и сделала бы это снова и снова, пока не постареет и не почернеет и никто больше не захочет ее. А ждать осталось не так уж и долго, судя по замечанию миссис Тронг. Ее юные дни уже прошли. Лотта вновь содрогнулась, представив себе ожидающее ее будущее.

Рука Хагана тем временем соскользнула с ее плеча на грудь, беззастенчиво стиснув ее. Лотта слышала, как участилось и стало тяжелым его дыхание, выдавая усиливающееся возбуждение.

Видимо, будущее начнется прямо сейчас.

– Пойдите!

И все чуть не подскочили от неожиданности.

В проеме двери, прислонившись плечом к косяку, стоял мужчина. Белый и черный цвета его вечернего костюма выглядели, пожалуй, слишком контрастно и строго на фоне стен, обитых ярким шелком, и пестрых драпировок. Он был темноволос, коротко подстрижен, с глазами удивительно синего цвета, смотревшими пристально и внимательно, придавая узкому лицу незнакомца сосредоточенное и даже настороженное выражение. Лотта почувствовала, как напрягся Хаган, угадав возможного соперника.

– Сэр. – Хаган убрал руку. Его лицо побагровело. – Мне кажется, вы не вовремя. Вам следует дождаться своей очереди.

Глаза незнакомца встретились со взглядом Лотты. Его взгляд, пронзительный и ясный, настолько поразил Лотту, что у нее даже перехватило дыхание. В этот момент ей почудилось, что в яркой синеве его глаз промелькнуло сочувствие и даже солидарность, но это продолжалось секунду, затем незнакомец выступил вперед. Теперь его лицо выражало заносчивую самоуверенность и угрозу.

– А мне так не кажется. И пропускать вперед я не привык.

Хаган открыл было рот, но миссис Тронг весьма красноречивым жестом заставила его молчать.

– Но, ваше сиятельство...

Лотта уловила новые нотки в голосе сводни. Она говорила более вкрадчиво и осторожно, чем со всеми остальными посетителями. Осторожно? Да, Лотта хорошо изучила повадки мужчин – от утонченных денди до неотесанных лавочников. Однако ей не приходилось до сих пор иметь дело с человеком, чья сущность выражалась одним словом – опасен! Это ощущение повисло в комнате, тревожное и будоражащее. Она почувствовала опасность в неподвижном воздухе комнаты, в покалывании кончиков пальцев. Новая реплика миссис Тронг весьма кстати разрядила атмосферу.

– Уж и не знаю, как тут быть! Но может быть, мистер Хаган согласится подождать. Вы ведь будете так любезны, мистер Хаган? – вкрадчиво заговорила сводня. – Могу я предложить вам бокал вина? За счет заведения.

Она уже провожала Хагана к двери, цепко подхватив его под руку. Незнакомец с явной насмешкой наблюдал за ними, демонстративно отступив, освобождая дорогу. Лотта невольно с облегчением вздохнула. Она вздохнула так тихо и осторожно, но этого оказалось достаточно, чтобы снова привлечь к себе быстрый оценивающий взгляд мужчины.

Наконец, дверь закрылась.

– Вы Шарлотта Каминз? – спросил незнакомец.

– Нет, – ответила ему Лотта. – Я больше не ношу это имя.

Все, что ей было нужно от Грегори, – деньги, а имя пусть оставит себе. Оно ей больше ни к чему.

– Теперь меня все знают как Шарлотту Пализер, – сказала она.

Мужчина то ли поклонился, то ли кивнул.

– Я слышал, что Пализеры не признают вас.

– Никто не может отобрать у меня имя, данное при рождении!

Он ответил не сразу, продолжая по-прежнему оценивающе всматриваться, как и в ту минуту, когда их взгляды впервые встретились. В его пристальном взгляде сквозило безжалостно откровенное желание рассмотреть и оценить и ничего похожего на желание или сочувствие.

– Вы позволите? – спросил незнакомец, указывая жестом на кресло. Странно, что ему пришло в голову спросить у нее разрешения. Такая учтивость не вяжется с манерами человека, который сам берет то, что ему понравилось, не интересуясь ничьим мнением, не вынося никаких возражений.

Он сел, закинув ногу на ногу, откинувшись назад с расслабленной грацией. Лотта не могла не оценить, насколько привлекательно смотрится его высокая сухопарая фигура в минуту покоя и расслабленности. Она поймала себя на мысли, что давать волю такому человеку было бы ошибкой, даже в состоянии покоя этот опасный человек излучал невероятную, едва сдерживаемую энергию.

– Кто же вы такой, что миссис Тронг позволяет вам ею командовать и даже не требует платить вперед?

Кем бы он ни был, но тащить ее в постель явно не спешил.

– Эван Райдер, к вашим услугам, – с легкой усмешкой представился незнакомец. Злые искры мерцали в его глазах. – Между прочим, я заплатил вперед. Ого! Да вы, кажется, покраснели. Редкость среди куртизанок...

Лотта быстро отвернулась. Все правильно, она смущена, сбита с толку. У этого человека достало проницательности понять ее сущность, независимо от общего мнения о том, что куртизанкам незнакомо смущение. Видимо, ей еще слишком далеко до невозмутимой бесчувственности опытной проститутки!

– Миссис Тронг обратилась к вам «ваше сиятельство», – сказала она и тут же поняла, что в ее голосе прозвучало сомнение.

Он скорее походил на грума, чем на графа, несмотря на модную, ладно сидящую на нем одежду. В свое время среди знакомых Лотты было много именитых господ, но его она не припоминала.

– Вы наблюдательны, – все так же усмехаясь, ответил он. – Все верно, я действительно ношу титул барона Сен-Северина и вдобавок шевалье де'Эстрена.

– Так вы француз? – Лотта озадаченно взглянула на удивительного господина. В его речи не было слышно французского акцента. Отсутствие интереса к политике вовсе не означало, что она не знает о ходе военных действий.

– Я – ирландец, – очень обаятельно улыбнулся он. – Но это не простая история.

– Ирландец с французским титулом, – подытожила Лотта.

В этот момент она вдруг припомнила, как прежде в ее гардеробной на Гросвенор-сквер ее близкие приятели и поклонники сплетничали о самых интересных новостях.

Что-то они тогда говорили об Эване Райдере, солдате фортуны? Помнится, его считали заядлым дуэлянтом, лучшим стрелком и наездником в полку. По слухам, ему везло в игре, он шел на риск там, где другие отступали, был расчетлив и холоден, когда вокруг царила паника и неразбериха, а потому никогда не ошибался. Выждать и напасть, стоит лишь врагу зазеваться и сделать неверный шаг, совершив роковую ошибку, – вот секрет всех его побед. Кроме того, ходили неясные слухи о том, что на дуэли он убил кого-то, затем бежал из-под стражи и просочился, как привидение, сквозь линию боевых действий.

Сам Наполеон высоко ценил его преданность и заслуги, осыпая наградами и деньгами, чего, собственно, искал этот истинный солдат фортуны.

Тут Лотта заметила тень усмешки, промелькнувшую в уголках губ и искорками засветившуюся в глазах Эвана. Казалось, он знает наверняка, о чем она думает и что скажет дальше.

– О, я слышала о вас! Вы незаконнорожденный сын герцога Фарна и актрисы бродячего цирка. Вы совсем еще юношей ушли из дома отца и присоединились к Великой армии Бонапарта, – задумчиво сказала она. – Не так давно прошел слух, что вы попали в плен к англичанам и являетесь свободным пленником.

– Да, это все обо мне, – совершенно невозмутимо ответил Эван, будто это совершенно его не задевало, не имея над ним власти. – А вот вы, я знаю, были женой фантастически богатого человека, банкира, скомпрометировавшая себя дама из высшего общества, совершенно разоренная и потому вынужденная продавать себя, чтобы не умереть с голоду.

Слова спокойно звучали в теплом покое небольшой комнаты, но Лотта вздрогнула, как от холода. Похоже, Эван Райдер сумел справиться со своими проблемами, в отличие от нее.

– Вы весьма точно обрисовали мое положение, – с горечью отметила Лотта.

Немного склонив голову, он очень пристально взгляделся в ее лицо пронзительно-синими глазами.

– Вам ведь совсем не нравится слышать о себе подобные вещи? – заметил он тихо, безжалостно и без всякого сострадания. Очевидно, заглянул ей в душу и увидел пустоту, царящую в ней. – Не хочется напоминать о том, что вы сами предпочли стать куртизанкой, чтобы не умереть с голоду. Однако я о вас, так же как и вы обо мне, сказал правду. – Его губы вновь изобразили нечто вроде улыбки. – Мы с вами очень похожи, Лотта, вы не находите? – продолжал Эван бесстрастно. – Нам удалось уцелеть в море страстей, мы оба способны на безрассудства и авантюры и готовы к счастью, несмотря на страдания.

– Мы оба пленники, – сказала Лотта, не сумев скрыть горечь, прозвучавшую в голосе, и сделала легкий жест в сторону Эвана. – Кстати, разве вас не должны держать под стражей, милорд?

Он пожал плечами невероятно элегантно и беззаботно:

– Вероятно, очень многие, включая моего отца, хотели бы этого.

– Тем не менее вы свободны, – заметила Лотта.

Эван невольно сменил свою расслабленную позу, весь как-то напрягся.

– Если это можно назвать свободой. Я дал слово не пытаться бежать – это и есть условие, при котором меня не станут держать под стражей. Взамен же получил возможность жить в одном из небольших городков в центре Англии, ничем не занятый, в ожидании окончания войны.

– Что же привело вас в Лондон? Вы бежали, нарушив данное слово? – спросила Лотта.

Эван покачал головой. Яркое сияние свечей бросало голубоватые отблески на темные пряди его волос, глаза казались глубокими и бездонными.

– Всем офицерам, в виде исключения, предоставляется право отлучаться по самым неотложным делам личного характера.

Широким жестом он обвел будуар и улыбнулся с подкупающей простотой.

– Существует ли что-либо более личное и срочное, чем посетить бордель в Ковент-Гардене? Мне необходима любовница. Поэтому я здесь. Я выбрал вас и прошу принять мое предложение.

Глава 2

Лотта медлила с ответом. Эван наблюдал, как, поднявшись с кресла, она в задумчивости прошла по комнате. Комната была невелика, и Лотта остановилась, не решаясь повернуть назад. Казалось, ей хотелось сбежать, исчезнуть. Сейчас она поразительно напоминала красивую птичку – золотистую канарейку – в яркой экзотической клетке, каких часто можно увидеть на окнах домов.

– Вижу, вам ненавистна подобная жизнь, – заключил этот необычный посетитель тоном, в котором звучала уверенность и без намека на жалость и снисхождение.

Ему уже давно неведомы эти чувства.

– Да, это в самом деле так, – ответила она, по-прежнему не оборачиваясь, стоя с поникшей головой.

Яркий и вызывающий полупрозрачный пеньюар, отороченный лебяжьим пухом, наброшенный практически на голое тело, выглядел в этот момент насмешливым напоминанием о ее реальном положении. Эван наблюдал за плавным движением, которым Лотта подхватила большую нарядную шаль, свисавшую с кровати, и накинула на плечи, будто спасаясь от холода.

– Мне не на что жаловаться. Не вижу причин считать свое положение унижительным. Вы абсолютно правы, я сама выбрала эту жизнь, предпочтя ее нищете. Стоит заметить, мне всегда нравилось заниматься любовью. Думаю, у меня это очень неплохо получается, – неожиданно для себя добавила она.

Для Эвана было настолько неожиданно услышать, с какой подкупающей простотой говорит Лотта, что он невольно рассмеялся. Он слышал, что Лотта Пализер – необычная женщина, тем более удивление оказалось приятным.

– Однако подобные качества не гарантируют успеха в профессии куртизанки, – уточнил он. – Не думаю, что вам нравится это дело. Однако за него неплохо платят, и это все меняет. Вы похожи на солдата-наемника. Завербовавшись на службу, наемник зачастую не знает ни того, кто его нанял, ни какую в точности работу ему придется выполнять, чтобы отработать эти деньги.

Лотта засмеялась низким гортанным смехом.

– Замечательная аналогия. – В ее голосе не было ни тени юмора. – Да, с моей стороны было весьма наивно полагать, что я с легкостью смогу ступить на эту стезю.

Эван подумал, что это еще слишком мягко сказано. Он наслышан обо всем, что с ней произошло, знал, что скандальный развод и разорение безвозвратно разрушили прежнюю жизнь, унеся с собой уверенность на возможные перемены. Вряд ли возможно, не изменившись, устоять перед столь катастрофическими ударами судьбы. Светским сплетникам было приятно выставить эту женщину как беспорядочную в своих связях шлюху. Однако Эван видел, что Лотта лишена

той дерзкой наглости, которая присуща подобным поступкам. Разумеется, она опытна, но так далека от развратного бесстыдства, свойственного ее профессии.

Он спокойно встал, подошел вплотную и, приподняв за подбородок, повернул ее лицо так, чтобы на него падал отблеск свечи. Кончики пальцев ощутили мягкость кожи, но рассмотреть что-либо подробнее мешал внушительный слой пудры и грима – атрибутов куртизанки.

– Смойте грим, – приказал он коротко и резко.

Ее подбородок невольно дернулся – было ясно, что Лотта не из тех, кто с легкостью подчиняется приказам. Однако, слегка замешкавшись, она высвободилась и направилась к стоящему в углу комнаты умывальнику. Полив себе на руки воды из разрисованного синими птицами большого китайского кувшина, Лотта несколько раз протерла лицо, смывая макияж. Когда она вернулась, Эван поразился тому, что ее бледно-кремовая кожа покрыта золотистыми веснушками. Внимательно присмотревшись, отметил выразительную привлекательность ее миловидного лица, напоминающего формой сердце и мягко сужающегося к подбородку, с глубоко посаженными карими глазами. Красиво очерченные разлетающиеся брови придавали лицу приятную живость. Небольшой рот со слегка припухшими губами вызывал прилив эротических фантазий. Желание, сильное и простое, поднималось в нем, захватив врасплох. Жизнь пресытила его впечатлениями, в том числе и от женщин. Мог ли он ожидать, что ощутит прилив желания по отношению к подобной женщине, и так скоро. Ему необходима Лотта Пализер с ее скандальной репутацией, но к этому вдруг присоединилось желание, на которое он совсем не рассчитывал. Эван продолжал рассматривать ее, не замечая, как сузились на его смугловатом лице ярко-синие глаза, чувствуя только сильные толчки крови и сильное желание впиться губами в этот искушающий рот.

Тонкие, чуть заметные лучики сверкнули в уголках ее глаз, придавая лицу особое выражение некоей усталости от жизни и легкий налет цинизма. Необычные темно-кофейного цвета глаза, затянутые дымчатой поволокой, в чьих глубинах таилось что-то обещающее, зовущее к глубоким чувственным наслаждениям.

Ленивым жестом Эван прикоснулся к ее волосам, потянув скалывавшую их шпильку, и они рассыпались тяжелыми блестящими локонами по плечам, мягким золотом, темной бронзой и каштановыми бликами напоминая о теплых тонах

осени. Пропустив локоны сквозь пальцы, он ощутил их гладкую шелковистость.

Она стояла абсолютно неподвижно, затаив дыхание, как мышка, затаившаяся от кошки. Тихонько потянув за краешек шали, он заставил ее соскользнуть к ногам Лотты легким облаком.

Теперь ее прикрывал лишь кружевной пеньюар, практически не скрывавший наготу. Стоя так близко, Эван отчетливо ощутил тепло тела и слабый сладковатый аромат жасмина, который источала ее кожа. Легкая пена кружев красиво приподнималась и округлялась сквозь снежно-белую ткань, темновато и сладостно просвечивали приподнятые островки сосков. Тело Эвана вновь возбудилось, отвечая на немой призыв. Их глаза встретились. Теперь в уголках этих сочных губ притаилась легкая насмешка. Ясно, он испытывает желание, а ей это очень нравится. Новая, поднявшаяся из самых глубин тела волна захлестнула, побуждая склониться и поцеловать ее.

Лотта не сделала даже легкой попытки прильнуть и обвиться руками, как это делают опытные и умелые куртизанки, забирая власть над мужчиной, выказывая свою готовность к наслаждениям. Она по-прежнему не двигалась с места, лишь ее губы, теплые и мягкие, слегка приоткрылись под его натиском.

Он отступил, несмотря на возросшее желание.

– Сколько вам лет? – внезапно спросил он.

Улыбка исчезла, и Эван заметил быстро промелькнувшую в ее глазах искорку – прикидывает, что ответить?

– Мне восемь и еще двадцать, – с готовностью сообщила Лотта.

– А вот я слышал, что вам три и еще тридцать.

Она даже не пыталась скрыть свое раздражение. Сделав шаг назад, подхватила спасительную шаль, плотно закутавшись в нее, вновь скрыла от посторонних глаз свою пленительную наготу.

– Зачем же спрашивать, если вам известно? – огрызнулась она.

– А утруждать себя ложью? – парировал он.

– А затем, что миссис Тронг, не колеблясь, выгонит меня. Еще немного, и я окажусь на улице. Если мне удастся слегка оттянуть этот момент, то почему бы и нет?

Эван почувствовал прилив сострадания. В ней говорило не задетое самолюбие, а жестокий страх перед наступающим будущим. Это позволяло предположить, что она будет вынуждена согласиться на его условия. Она отчаянно пыталась избежать тирании, царящей в борделе, угрозы оказаться на улице, как те постаревшие проститутки, которые занимаются своим ремеслом за кусок хлеба в сточных канавах. Нужно признать, она низко пала.

Он занял прежнее место и, откинувшись назад, вновь принялся внимательно разглядывать Лотту.

– Так что же насчет моего предложения? Вы намерены принять его или нет? – спросил он.

Она сидела на самом краешке кровати, мерно покачивая ножкой, обутой в отороченную лебяжьим пухом туфлю.

– Как вы прямолинейны, – задумчиво произнесла она, глядя на него своими чудными выразительными глазами.

– Такое ясное предложение, – улыбнувшись в ответ, сказал он с подкупающей простотой. – Уверен, вы не в восторге от той жизни, в которую вынуждены окунуться. Я никогда ни одну женщину не затаскивал в постель силой. Так вот, – Эван пожал плечами, – если предложение вам не по вкусу, я могу пойти куда-нибудь еще.

Она использовала паузу, чтобы подумать. Он с уважением отнесся к этому. Правда, Эван совсем не ожидал от Лотты большого ума. Вряд ли женщина с интеллектом вообще способна попасть в подобную ситуацию, когда от нее отказываются семья и друзья, а деньги, доставшиеся в результате развода, уходят на уплату счетов от модисток и торговцев модных лавок. Он неспешно обдумывал, могло ли за всем этим скрываться что-то еще, но решил, что вряд ли. Тем не менее ее падение было быстрым и мучительным. Эвану нужна была

женщина с полностью разрушенной репутацией, такая, чье имя ассоциировалось бы со скандалом. Лотта как нельзя лучше подходила. И он страстно хотел, чтобы она приняла предложение.

– Свободным пленникам разрешается содержать любовниц? – спокойно поинтересовалась Лотта. – Не подозревала, что вам предоставлено столько свободы.

– Я могу завести даже ручного льва, если пожелаю. До тех пор, пока у меня будет возможность его кормить и содержать в доме. Я обладаю всеми правами, кроме права распоряжаться собой.

Он вложил в эти слова всю горечь, которую старался никогда не выставлять напоказ. Подняв глаза, он заметил, что она смотрит на него с живым интересом, но с тем же отсутствием сострадания. Очень непривычно поменяться местами, почувствовать, что на тебя смотрят так же, как ты сам смотришь на всех. Эван вдруг почувствовал некое родство душ.

– В самом деле? Вы можете себе позволить дать кров и содержать меня? – спросила она, грациозно потянувшись, так что ее одежда вновь слегка обрисовала соблазнительные очертания.

Это было настолько эротично, что его тело немедленно отозвалось на призыв. Она, не таясь, проверяла, насколько им можно управлять.

– Должна предупредить, я вам обойдусь дороже любого другого домашнего питомца. У моего бывшего мужа сложилось мнение, что я обхожусь ему дороже породистой кобылы. – В голосе Лотты зазвучала нескрываемая неприязнь.

– Охотно верю, – понимающе улыбнулся Эван. – Я в самом деле богат, – прибавил он. – Достаточно богат для сына аристократа и циркачки.

Засунув руки в карманы камзола, он стал вынимать один за другим тугие мешочки с золотом и раскладывать их на столе. Она слушала их тихое позвякивание, и зрачки ее глаз начали расширяться. Видимо, молва не зря приписывала Лотте Пализер корысть и жадность. Это только на руку и означает лишь одно – ее можно купить, стоит только назначить правильную цену.

– Похоже, это золотые гинеи, – заметила Лотта.

– Так и есть, – бесстрастно откликнулся Эван. Потянув за шнурок, стягивающий один из мешочков, он позволил золотому ручейку вытечь на стол, внимательно наблюдая за выражением ее лица. Жадность, расчетливость, что еще? – Здесь вполне хватит на то, чтобы компенсировать миссис Тронг отказ от ваших услуг, приобрести для вас новые туалеты и оплатить проезд до Вонтеджа в почтовом дилижансе, скажем, в пятницу.

– Но до пятницы уже осталось слишком мало времени! Я могу не успеть купить все, что необходимо. Вы же знаете – подобные дела не терпят спешки...

– Вам придется покупать готовое платье, – улыбнулся Эван.

– Это вульгарно и отдает дешевкой, – нахмурилась Лотта.

– Но так нужно. Я обязан вернуться в Беркшир в двухдневный срок. У вас всего один день, после чего вы присоединитесь ко мне, – сказал он, обводя взглядом ее яркую клетку. – Я дам вам достаточно денег, чтобы оплатить гостеприимство миссис Тронг. Сомневаюсь, что она будет настаивать на том, чтобы вы остались, а уж вам-то этого хочется еще меньше, не так ли?

Лотта помолчала, задумчиво покусывая нижнюю губу белыми красивыми зубками.

– Значит, говорите, Вонтедж? – переспросила она, приподняв тонко очерченные дуги бровей. – Моя семья живет неподалеку. Это такая глушь, совершеннейшее захолустье.

– Приятный маленький городок, хотя и провинциальный, – ответил Эван. – Теперь все зависит только от вас. Вы можете по-прежнему оставаться в этом лондонском борделе, отдаваясь каждому, кто склоняется в учтивом поклоне над вашей рукой в этом пестром будуаре, или стать моей любовницей, проводя свои дни в захолустном городке, но в конечном счете получив за это достаточно денег, чтобы устроить жизнь по своему вкусу.

Вновь на ее лице отразилось раздумье. Она продолжала взвешивать преимущества и недостатки предложения. Это были совершенно бесстрастные подсчеты, как и полагается женщине ее профессии.

Соскользнув с краешка кровати, Лотта подошла к столу. Она еще раз окинула Эвана испытующим взглядом, а затем быстро развязала пару мешочков, чтобы убедиться в их содержимом, и даже прикусила одну из золотых монет.

– Они не фальшивые. Не в моих правилах жульничать. Ну, теперь вы готовы довериться мне? – спросил он с улыбкой.

– Я не могу решить... Есть в этом нечто сомнительное, непонятное. Какой-то явный подвох, – с сомнением отозвалась Лотта.

Она ожидала, но Эван продолжал сидеть молча, не меняя своей непринужденной позы, с совершенно непроницаемым лицом. Будучи превосходным карточным игроком, он в совершенстве владел искусством скрывать козыри. Лотта права, в этом деле много сторон, о которых ей знать не обязательно. Более того, чем меньше она будет знать, тем лучше.

Лотта рассмеялась, разряжая неловкую тишину, повисшую в комнате.

– Что ж, можете не отвечать. Вы будете платить неплохие деньги, чтобы я вела себя смирно и не задавала лишних вопросов, при этом обслуживала вас в постели. Возможно, я поступаю крайне неосмотрительно, но обещаю держать язык за зубами, разумеется, за достойную плату.

– Это было бы идеально, – согласился Эван.

Лотта кивнула.

– Но зачем вам любовница? – поинтересовалась она без особого любопытства.

Эван ответил ей красноречивым взглядом, который вновь заставил ее покраснеть.

– Затем же, зачем она нужна и любому другому здоровому мужчине.

– Положим, существует много причин, по которым мужчины выставляют напоказ свои сексуальные амбиции, – заявила она с некоторым цинизмом. – Зачастую они терпят фиаско в интимных делах и им необходима помощь. Есть еще такие, кто предпочитает общество других мужчин, но, проводя время с женщинами, скрывает это, – сухо заметила она.

Замолчав, Лотта слегка пожала плечами, приглашая его ответить.

– Со мной все гораздо проще. Мне скучно! В любом случае, пока военные действия не закончатся, я буду вынужден чем-то себя занять. Почему бы не любовью. В постели время летит быстрее, не так ли?

Для Лотты это в самом деле явилось убедительным аргументом, но она продолжала колебаться, устремив на него упорный взгляд, пытаясь проникнуть в самые тайные мысли.

– Почему выбор сделан в мою пользу? Что во мне такого особенного? Ведь вы сразу потребовали именно меня, – упорствовала Лотта.

– Так и есть, – спокойно заметил он, удивляясь ее умению запоминать и сопоставлять, казалось бы, незначительные детали. – У меня весьма скандальная репутация. Она просто требует, чтобы рядом со мной была очень яркая женщина, известная всему Лондону. – Он притянул Лотту ближе, слегка сжав тонкие запястья. – Мне нужна любовница, о которой станут говорить, вызывающая, шокирующая приличное общество и...

– Услужливая? – с полуулыбкой подсказала Лотта. От этой чудесной усмешки его сердце забилось чаще.

Темный жар разливался в ее глазах.

– Это все мне так знакомо, – сказала она голосом, в котором угадывалась скрытая пылкость.

– Я слышан, – засмеявшись, произнес Эван.

Он провел пальцем по ее пухлым губам и почувствовал отклик во всем ее теле. Его тело уже решительно, плотно и твердо прикикло к Лотте, охваченное желанием.

– Так что же, Лотта Пализер, – прошептал он, – вы ответите мне? У вас было время подумать над моим предложением.

– Да, – сказала Лотта.

Она больше не колебалась, хотя, возможно, стоило бы.

Что-то в истории Эвана Райдера не давало ей покоя, подсказывая, что она не знает всей правды, оставляя внутри ощущение затаившейся опасности. Но здесь так много золотых гиней, столько она не видела, наверное, никогда. Ей даже нравилось ощущение опасности и авантюризма, которое исходило от Эвана Райдера. Ему удалось зажечь желание в ее крови, которого она не испытывала уже многие месяцы.

– Я была бы законченной дурой, если бы отказала столь богатому джентльмену, променяв его на этот бордель и капризы множества гораздо менее богатых любовников.

– Какая восхитительная прагматичность, – улыбнулся Эван, блеснув ровными белыми зубами.

– Может быть, вы хотите... Может быть, нам стоило бы... – произнесла она, нерешительным жестом указывая на яркое ложе.

Она осознавала неуверенность, прозвучавшую сейчас в ее голосе. Легкий кураж уже пропал. Лотта чувствовала себя неловкой дебютанткой, которая не знала, что ей делать со своей девственностью. Совсем недавно затеять любовную игру казалось ей сущим пустяком. Она с горечью вспомнила о Джеймсе Делвине, своей последней любовной аванюре. С первого момента их знакомства все пошло как-то не так. Она поддалась обаянию Делвина, влюбившись в него, и это оказалось единственной и непоправимой глупостью, на которую она так опрометчиво пошла. Когда он оборвал эту связь, Лотта ощутила такую пустоту внутри, что стала искать утешения в объятиях других мужчин, не в силах унять свою боль. В свете Лотта ловила на себе постоянное пристальное внимание. Так,

наверное, чувствует себя золотая рыбка в стеклянном аквариуме, где нет уголка, чтобы укрыться. Время шло, и теперь, возвращаясь воспоминаниями к тому времени, она понимала всю неосторожность и безнадежность этих попыток. То, что ей хотелось бы сохранить в тайне, стало достоянием толпы. И терпение Грегори наконец лопнуло.

Лотта слышала, что он собирается вступить в брак с одной из наиболее завидных невест сезона. Видимо, скандал, погубивший ее репутацию, никак не отразился на его положении. Что удивительного – имея деньги и связи, нетрудно выйти из любой ситуации незапятнанным. Его влияние было настолько велико, что, приди Лотте в голову мысль рассказать об истинных сексуальных наклонностях мужа, ее просто не стали бы слушать.

Она откинулась назад, чтобы взглянуть на Эвана Райдера. Несомненно, в нем присутствовала та мужская сила и внешняя привлекательность, к которой подмешана добрая толика чертовски опасного обаяния, всегда импонировавшего ей. Два года назад ей было бы достаточно одного взгляда, чтобы безоглядно отдаться страсти. Сейчас это заставляло ее нервничать. Все внутри трепетало. О боже, что же с ней произошло? Вероятнее всего, бракоразводный процесс не только разнес в клочья ее репутацию, но и все, что составляло ее прежнюю сущность. Она сильно переменилась. Растеряла где-то по пути последние иллюзии, а с ними и уверенность в своих силах, и самоуважение.

Лотта потянула за ленту, которая стягивала на талии ее кружевное одеяние, но Эван мягко положил свою теплую и твердую ладонь поверх ее трепещущих пальцев:

– Нет. Думаю, не стоит. Не здесь.

Лотта прикрыла глаза в знак согласия. Облегчение, смешанное с разочарованием, охватило ее. До чего же глупо раздражаться из-за того, что он отказался воспользоваться ею прямо здесь по первому ее зову, не дав проявить свой талант и проверить его. А может, он из тех, что и Грегори, а это всего лишь маскировка и любовница ему нужна, чтобы не отличаться от других мужчин. Грегори тоже нуждался в жене, которая сможет выполнять роль хозяйки дома и одновременно служить прикрытием для его истинных пристрастий. Нет, похоже, он не такой! Она же ясно почувствовала то горячее, острое желание, которое охватило Эвана, едва лишь он приник поцелуем к ее губам! Она совершенно

точно знала, насколько сильно он хочет ее.

Он убрал пальцы с ее ладони. Придвинувшись плотнее, вдохнул запах ее волос, проведя губами по тонкой коже виска. Легкий озноб от этого прикосновения мгновенно обострил все ее чувства. Лотта вновь заглянула в его глаза и увидела в их глубине мерцающий тяжелый огонь желания.

– Здесь все просматривается и прослушивается, – тихо сказал он. – Нужно же убедиться в том, насколько добросовестно на этот раз вы выполняете свою работу.

Лотта невольно окинула взглядом обтянутые шелком панели, закрывающие стены ее будуара. Разумеется, за ними наблюдают через все эти глазки, щелки и замочные скважины, являющиеся неотъемлемой принадлежностью любого борделя и служащие удовлетворению низменного любопытства посетителей. Возможно, миссис Тронг уже продала Хагану возможность подсматривать за ними, пока он дожидается своей очереди. Она ощутила резкую и неожиданную боль от того, что никогда не задумывалась об этом прежде.

– Я не развлечение для толпы! – воскликнула она, дерзко вздернув подбородок.

Эван улыбнулся. Это резко обозначило лучи в уголках его глаз и складки на его худых щеках и подбородке, отчего выражение его лица стало только жестче, полностью стерев остатки добродушия.

– Если уж на то пошло, ко мне это тоже не относится, – сказал он и двинулся к выходу. – Переоденьтесь, мы уезжаем.

– Благодарю вас, – выдохнула Лотта.

Эван надолго задержал на ней внимательный взгляд.

Мимолетная улыбка искривила его губы. Жар разливался между ними, перехватывая дыхание Лотты. В этом таилось что-то опьяняющее. В следующее мгновение он повернулся к столу и ловко подхватил мешочки с золотом.

– Не стоит меня благодарить. Я всего лишь защищаю свои инвестиции, – заметил Эван без лишних эмоций. – Эта старая сводня обчистит догола, если я оставлю вас с ней хоть на минуту. Не хочется платить больше того, что обещано.

Лотта нырнула в большой платяной шкаф, который стоял тут же, в поисках подходящего платья и туфель. Все наряды, которыми ее снабжала миссис Тронг, были неприятно низкого качества. Их покрой был призван привлекать нескромные взгляды и вызывать нескромные желания, легко оголять нужные места при самом незначительном прикосновении. Среди всей этой мишуры нашлось лишь одно элегантное платье и накидка, оставшиеся Лотте в память о доме, прежней безвозвратно утерянной жизни. Она зажала сверток под мышкой. Из шкафа пахло застарелым, приторным запахом духов. С каким болезненным сожалением она вспоминала теперь о бесчисленных красивых флаконах и баночках, которые прежде так часто покупала в лучших магазинах Стренда, об ароматной роскоши от знаменитой компании Ривера и Риммеля. Перчатки, благоухающие цветочными духами, были в том недавнем прошлом ее любимым аксессуаром.

– Вы уже готовы? – спросил с нетерпением Эван.

Интересно, сколько, по его мнению, времени может потребоваться женщине, чтобы одеться? У нее нет даже горничной для услуг. Лотта снова открыла шкаф и достала накидку. Закутавшись, потянулась и сняла с крючка клетку с маленькой желтой канарейкой.

– Она ваша или вы собираетесь ее украсть? – спросил Эван, приподняв черную бровь.

– Моя, – ответила она.

Это было то единственное, что, уходя с Гросвенор-сквер, Лотта захватила с собой.

– Все остальное должно пропасть вместе с этим богом проклятым местом.

– Чувства понятные, но не слишком практичные. Я не рассчитывал очень уж тратиться на ваши наряды.

Насупившись, она все же собрала кое-что из нижнего белья, чулки, перчатки, шаль, два веера и шляпку с перьями, пару платьев и зонтик от солнца, упаковав все в большую картонку, которую отыскала где-то в самой глубине шкафа.

Эван взял ее за руку. Его прикосновение заставило Лотту вздрогнуть, ощутить волнение. Нахлынули смутные сомнения: правильный ли она сделала выбор – оставаться в этой преисподней или следовать за невесть откуда взявшимся, по существу совершенно незнакомым человеком. Он искоса бросил взгляд, в котором сквозила ирония.

– Боитесь?

Лотта хотела бы скрыть свои чувства. Как это неудобно, что он с такой легкостью читает ее мысли!

– Вовсе нет! – ответила она, храбро глядя прямо ему в глаза.

– Лгунья. – Усмешка искривила его губы. Нехороший огонек сверкнул в синих глазах. – Это ваш выбор, мисс Пализер.

– Вы – меньшее из зол, – ответила Лотта.

Улыбка на его губах стала шире, в глазах мелькнуло понимание.

– Или я – то самое зло, которое вам сумело понравиться, – закончил Эван.

– Я вас совсем не знаю, – пробормотала она.

– Но узнаете. Уже скоро, – пообещал незнакомец.

Его слова прозвучали опасным обещанием.

Жадная сводня вытянула из Эвана Райдера почти все деньги, которые он имел при себе. Он ожидал подобного поворота дела и лишь задавался вопросом, стоит ли оно того.

Сидя напротив Лотты Пализер в наемной карете, он наблюдал, как тени пробегали по ее лицу, придавая ему изменчивое и неясное выражение. Она оказалась далека от того, что он ожидал. Сколько раз он представлял себе этот вечер? Он мог передумать, выбрать другую, а ее сбросить со счетов, ни о чем не пожалев. Возможно, другая оказалась бы более податливой и подходящей на роль любовницы. Как случилось, что он, такой расчетливый и хладнокровный, выбрал для своих целей именно эту женщину, больше похожую на стыдливую девственницу, чем на опытную куртизанку? И что это за прихоть – всюду возить за собой клетку с канарейкой, которая даже не поет? Эти мысли лишали его душевного равновесия. Эван раздраженно фыркнул, выразив нарастающее раздражение против себя, нее и этой чертовой канарейки. Стоит ли подвергать риску весь замысел, выбирая на роль любовницы Лотту Пализер, следуя каким-то неясным мотивам? По существу, ему нужна более предсказуемая женщина.

Лотта оказалась не столь проста. Пройдя через все низкие подробности развода, в результате оказавшись разоренной и опозоренной, она тем не менее сохранила душу, пусть и понесшую непоправимый урон. Да, в ней еще жила тень прежней Лотты, которая любила жизнь и искала любовных приключений, приведших к громкому скандалу и сплетням.

Однако весь этот список должен был очень пригодиться для осуществления его планов, поскольку появление такой женщины, как Лотта, в маленьком тихом городке, несомненно, вызовет возмущение и пересуды среди обывателей, надолго приковав к себе общее внимание. А он тем временем займется своими делами, свободный от лишних любопытных взглядов. Эвану была совершенно необходима броская, яркая женщина. Такая, как Лотта Пализер.

Ему удалось довольно быстро решить первую часть задачи, связанной с тем, как вырвать Лотту из цепких рук миссис Тронг. Понятно, сводне совсем не по вкусу пришла идея отказаться от услуг такой скандально известной куртизанки, одно имя которой привлекало в ее заведение половину Лондона. И это несмотря на то, что Лотту вряд ли можно назвать профессионалкой! Однако страсть к звонкой монете взяла верх. Теперь мадам непременно раззвонит всему свету о том, что знаменитый пленник Эван Райдер, придя именно в ее бордель, заплатил по-королевски, чтобы выкупить свою любовницу Лотту Пализер. И все, от

Лондона до самого отдаленного провинциального городка, будут сплетничать об этом. Именно этого и добивался Эван. Еще не добравшись до Вонтеджа, Лотта уже стала самой знаменитой содержанкой в Англии. Весть о ее прибытии наверняка долетела до городка.

– Вечерний Лондон. Как я буду скучать по нему! – произнесла она, глядя в окно кареты на проносящиеся мимо знакомые улицы.

В ее голосе прозвучала такая тоска, будто она прощалась не с городом, а со всем, что составляло ее прежнюю жизнь. Эван понял, сейчас ей не важно, сколько она получит в результате их соглашения. Имеет значение лишь прошлая жизнь, уходящая навсегда безвозвратно. Лотте больше не удастся вернуться в свет.

– Не понимаю, как вы попали в подобную ситуацию? – спросил он неожиданно для себя.

Злоключения Лотты его не касались. Однако Эвану стало любопытно, что может женщину, обладающую несомненным умом, ввергнуть в такое бедственное положение. Стоит узнать о ней больше.

В темном пространстве кареты повисла тишина. Лотта задумчиво всматривалась в его лицо, видимо пытаясь установить ту меру правды и лжи, которая могла бы придать ее истории большую привлекательность по сравнению с реальностью. Он задал вопрос с таким равнодушием, с каким, по-видимому, относился и к ней, и к ее лжи. Его лицо было непроницаемо. Эван хотел услышать все от нее самой. Возможно, просто скоротать время в карете, медленно едущей по дороге.

– Вы сами сказали, что все знаете обо мне, – сказала Лотта, прерывая паузу.

– Мне известно, что случилось, но я не знаю почему.

Она отвернулась, как-то ссутулившись.

– Мой муж пошел на развод, потому что я оказалась слишком неосторожна и беспечна в своих любовных делах.

В это мгновение в неверных отсветах из окна он увидел ее лицо, отстраненное и окаменевшее.

– Я всегда была неблагоразумна. Любила опасность, однако зашла слишком далеко, вела себя безрассудно.

«Я любила опасность!» Эван улыбнулся.

Это он мог понять, так как сам искал опасностей в этой пресной жизни. Ему нравилось чувство риска, разгоняющее кровь по жилам, заставляющее ее стучать в висках. А иначе чем скрасить свою жизнь, из которой изъяли все, о чем стоило бы переживать. Он оказался прав! Инстинкт подсказал, что Лотта столь же сумасбродна, как и он. Родственная душа! То, что нужно для его целей.

Только поскрипывание колес и стук лошадиных копыт по булыжнику мостовой нарушали тишину, повисшую в карете. Ночной город блестел огнями, привлекал знакомым шумом толпы, разливающимся в воздухе приятным возбуждением.

– Могу понять, почему семья отеклась от вас, – сказал Эван. Пализеры быстро поднимались по общественной лестнице. Ее развод и связанный с этим скандал могли стать для семьи сущим проклятием. – Но ведь у вас были друзья, которые могли бы помочь...

Покачивав головой, она заставила Эвана умолкнуть.

– Дело в том, что я пыталась соблазнить мужа своей лучшей подруги. Он был ее вторым мужем и отказал мне. А с первым я уже спала.

Эван был несколько озадачен. Ему и в голову не могло прийти что-либо подобное. Тем не менее что-то в голосе выдавало ее, не вязалось со смыслом спокойно произнесенных слов.

– Вы пытаетесь шокировать меня? – осведомился он.

– А что, удалось? – Ее глаза вспыхнули.

– Не вполне.

– Ну и пусть... – сказала она разочарованно, с какой-то детской обидой в голосе. – Но я буду стараться. По правде сказать, я не очень-то переживаю из-за того, что было.

– Вам понадобился муж вашей лучшей подруги. Почему? – спросил Эван.

Он заметил, насколько Лотту удивил его вопрос.

– Знаете, вы первый, кого это заинтересовало! – произнесла она задумчиво.

– Ну и!..

– Вы говорите со мной как строгая гувернантка! – Все-таки она обиделась. – Не знаю. Я просто скучала, а он был так хорош...

Эван уловил в ее словах фальшь. Да, она ни за что не скажет правды – ни сейчас, ни в будущем. Лотта Пализер слишком больно обожглась и теперь выстроила оборону. Больше никого не подпустит так близко, чтобы вновь подвергнуть себя риску. Он понимал все, поскольку с пятнадцати лет придерживался такой же точки зрения.

– Вы занимаете интересную позицию по отношению к подругам, – подытожил он.

– Нет у меня никаких подруг, – устало заметила она. – Кроме того, игра не стоила свеч. Его достоинство оказалось таким миниатюрным, а сам он заботился лишь о собственном удовольствии.

– Какое это, наверное, разочарование, пожертвовав подругой, получить взамен так мало.

– Это меньшее из моих предательств, – слегка усмехнулась Лотта. – Мне случалось пару раз обманывать Джоанну и до этого случая. – Она вздохнула. – И все же я рассчитывала на ее помощь. Случилось так, что именно в самый тяжелый момент Джоанны не было рядом. Она путешествовала то ли по Скандинавии, то ли России, а может, еще дальше – география не мой конек. Я писала, но письма, видимо, не доходили. Стоит ли дальше говорить об этом? – спросила Лотта, раздраженно поведя плечами.

Эван почувствовал на себе ее пристальный взгляд.

– Так ли уж обязательно вести разговоры, по крайней мере, обо мне?

– Не надо, если вам не хочется.

Эвану стало забавно. Сколько он себя помнил, все его женщины сгорали от желания рассказать о своей жизни. Возможно, так они пытались оттянуть момент интимной близости?

Лотта слегка переместилась на своем сиденье, и он ощутил легкий аромат жасмина, нежный и сладковатый. Жажда обладания вновь захватила его, острым лезвием резанув по нервам так же, как в борделе. Прошло уже довольно много времени с того дня, когда он в последний раз был с женщиной. Как военнопленный, он имел не так уж много возможностей для удовлетворения своего вожделения. Оставалось лишь привыкать игнорировать эту сторону жизни. Эван сосредоточил всю энергию на долгой и опасной, очень запутанной игре, от которой не мог отказаться. Теперь же появилась надежда на то, что столь интригующее сочетание скрытности и опытности, как у Лотты Пализер, принесет множество соблазнов и наслаждений. Пожалуй, гораздо больше, чем он мог предполагать.

Сначала Эвану показалось, что Лотта лицемерит, подыгрывая пресыщенным вкусам клиентов борделя миссис Тронг. Не такая уж редкость – профессионалка, разыгрывающая невинность. Но ее история всем известна, какой смысл скрывать беспорядочные связи и неверность, которые довели ее до полного падения. Она ничего не изображала, следуя наклонностям своей натуры. Собственно, это и привлекало Эвана. Ни у одной из знакомых женщин он не отмечал той открытости, с которой Лотта обращалась с ним, вызывая восхищение твердой решимостью говорить правду.

Она снова немного передвинулась на жестком сиденье наемной кареты, заманчиво зашуршав шелковыми юбками.

– А как вы попали в такое положение? – спросила Лотта, возвращая вопрос. – Мне кажется, вы ищете тему, чтобы поговорить со мной. Так почему бы вам не рассказать о себе. Как получилось, что вы стали военнопленным?

– Я попал в плен в битве при Фуэнтес-де-Оньоро в Португалии, – сказал Эван. – Когда Веллингтону доложили, кто я такой, он тут же отдал приказ отослать меня в Англию в качестве военнопленного.

– Не осмотрительно с вашей стороны позволить себя схватить, – ледяным тоном произнесла Лотта. – Думаю, англичане были счастливы добраться до человека, который являлся причиной позора для своего знатного отца на протяжении стольких лет. Честно говоря, удивительно, что они предоставили вам такую свободу, – сменив тон, задумчиво размышляла Лотта.

– Меня держали в заключении на тюремной барже в Чатеме в течение года. – Эван говорил легким пренебрежительным тоном, но напрягшиеся, окаменевшие мышцы выдавали его истинные чувства.

Было ясно, чего стоят ему воспоминания о чертовой дыре, площадке футов около шести в самом сердце судна, без доступа света и свежего воздуха. Там даже самые сильные мужчины постепенно начинали сходить с ума и молить о скорой смерти. Заключенные были закованы в железные кандалы, полуживые от голода и постоянных побоев. Ему чудились смрад и грязь проклятой баржи, словно пропитавшие все поры его кожи под тонким батистом рубашки, вопли сшедших с ума товарищей по несчастью. Такое вряд ли возможно забыть.

– Должно быть, все это было достаточно мерзко. – Голос Лотты прозвучал настолько мягко, что Эван понял – она прочувствовала всю ту ненависть, которая сочилась в его словах.

– Не стану отрицать. – Губы Эвана сжались в тонкую линию.

– Зачем вам понадобилось сражаться на стороне французов? – Он почувствовал ее пристальный взгляд, устремленный на него из глубины темной кареты. – Неужели так ненавидели англичан?

– Я не испытываю ненависти к англичанам. С чего бы мне их ненавидеть? – рассмеялся Эван.

На это могла существовать добрая сотня ответов, но он не собирался вдаваться в подробности. Как и Лотта Пализер, Эван Райдер избегал ворошить прошлое, стремясь отгородиться от него.

– Так вы – простой наемник, солдат фортуны в рядах армии Наполеона, получавший за службу неплохие деньги?

Лотта Пализер хорошо знала, как провоцировать мужчин. Эван печально задумался. Возможно, наступившая пауза нужна была им обоим.

– Я не из тех, кто воюет за деньги, – наконец заявил он, гордо вздернув подбородок. – Я сражался на стороне Наполеона, потому что это соответствует моим принципам. Я верил в его дело.

– Принципы. – Слово звучало в ее устах как перевод с чужого языка. – Как необычно! Большинство знакомых мне мужчин – беспринципные ублюдки! – с неожиданной улыбкой заключила она. – Значит, вы верите в свободу, братство и... что еще там? – с некоторым сомнением в голосе спросила она.

– Равенство, – добавил Эван. – Да, таковы идеалы революции.

– Что за странное понимание равенства, при котором один человек возвышен как император над всеми остальными. Но поскольку мне никогда не приходило в голову интересоваться политикой, я могла пропустить что-нибудь важное. Боюсь, дела государства меня слишком мало беспокоят! – сказала Лотта, позевывая.

– К счастью, в мои планы не входило вести с вами разговоры о политике. Я вас не для того покупал.

В темном и тесном пространстве кареты повеяло холодком. Эван почувствовал, что вывел ее из себя столь прямолинейным напоминанием о ее положении. В ней еще осталось достаточно гордости. Лотта отвернулась, и ее лицо выразило высокомерие. На перекрестке карета замедлила ход, качнувшись вперед, и Лотта потеряла равновесие, опершись на дверцу кареты, чтобы удержаться. В этот момент Эван различил, как звякнули монеты, к тому же дорогие. Гинеи! Ясно, откуда они у Лотты. Их взгляды встретились, и Эван вдруг понял, что она собирается сделать в следующее мгновение.

Она собиралась провести его и бежать.

Ее кисть уже лежала на ручке дверцы, наполовину приоткрытой так, что шум толпы и свет уличных фонарей прорывались внутрь. Эван пытался схватить ее за запястье, задержать, но гладкий бархат накидки выскользнул из его рук. Тогда он обхватил ее талию за секунду до прыжка.

– Не стоит так спешить!

Черт бы его побрал! Даже сейчас он оставался совершенно невозмутимым. Есть ли вообще хоть что-нибудь, что вывело бы его из равновесия?

Лотта оказалась полусидящей, полулежащей между его коленями. Ничего себе! Совсем как разъяренная, загнанная в угол кошка. Рука Эвана стальным обручем охватывала ее талию. Она пыталась вырваться из цепких объятий. Одно неловкое движение – и мешочек с гинейями тяжело стукнулся о его бедро. С кривой усмешкой покосившись на Лотту, он извлек увесистый мешочек с монетами из кармана ее накидки.

– Так я и думал. Когда же вы успели стащить его у меня?

Он произнес это, проявив легкий интерес. В самом деле, не стоит ли более тщательно исследовать тему, насколько в обычае у нынешних дам полусвета, в совсем недавнем прошлом рафинированных леди, похищать чужие кошельки? Лотта поняла, что в такой ситуации следует попридержать свой нрав.

– Я взяла его, пока вы увлеченно торговались с миссис Тронг. При этом вам было совершенно безразлично, чем занята я, – выпалила Лотта.

– Да, я вас явно недооценивал, – кивнул Эван.

Он с видимым безразличием провел рукой по ее одежде, как бы обыскивая. Но у Лотты возникло странное чувство, будто он ласкает ее. Она затрепетала от его прикосновения, почувствовала себя разъяренной, сбитой с толку и одновременно ожившей, возбужденной и приблизившейся к опасному обрыву.

– Не ищите, у меня больше нет. Я успела взять всего один, – созналась она.

– А затем сбежать! – закончил он.

Лотта не отвечала, заметив на его губах циничную усмешку.

– Ну и куда же вы собирались бежать?

Эван приблизил к ней свое лицо так, что она могла хорошо рассмотреть все его мельчайшие подробности в скачущем свете уличных фонарей. Мрачное и презрительное. Некоторые мужчины так легко умеют пользоваться бедственным положением, в котором оказываются женщины. Они легко угадывают такие моменты и не упускают свой шанс. Эван Райдер явно не из их числа.

– Не имею ни малейшего понятия, – очень просто ответила она. – Я как-то еще не подумала об этом.

– Итак, единственным продуманным планом являлась кража?

Его голос звучал мягко, но в нем чувствовалось скрытое презрение. Однако Лотта и не собиралась извиняться.

Возможно, все было не по правилам в обычном понимании дела, но она уже давно преступила все границы и нарушила все правила. Так что стоит ли беспокоиться о таких мелочах?

– Да, я задумала кражу сразу, как только увидела эти чудные монеты! – откровенно призналась она, прямо встретив взгляд Эвана.

Лотта надеялась, что, если у нее будет хоть немного денег, это даст ей возможность распоряжаться своей жизнью и шанс вырваться на свободу. Казалось, судьба дает ей в руки ключ к новой, более счастливой жизни. Кто бы на ее месте смог устоять перед таким соблазном. И ведь ей почти удалось осуществить задуманное, тем большую ярость она испытывала, споткнувшись на последнем шаге. Столь близкая свобода, до которой она не смогла дотянуться!

– Значит, вы сразу же собирались меня надуть? – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнес Эван, успев крепко перехватить ее запястья.

– Даже не сомневайтесь! – вспыхнула Лотта. – Вы ведь не настолько глупы, чтобы рассчитывать, что я могу поступить иначе.

Злость вновь захлестнула ее. Ее столько раз бессовестно обманывали, использовали и отшвыривали прочь, как ненужную вещь. Теперь ее очередь!

– А мне казалось, что между нами существует соглашение, – напомнил Эван. – Как насчет верности данному слову?

Она почувствовала напряжение сжатой пружины, несмотря на сдержанность, с которой он говорил. Ее запястья по-прежнему оставались в безжалостном плену.

– Вы же знаете, я лишена подобных предрассудков.

– И сейчас вы это мне продемонстрировали, – констатировал Эван все тем же ровным голосом. – Будем считать, вы просто не поняли. Я ожидаю, что вы будете следовать основным условиям сделки, проявляя личную преданность мне и хотя бы немного чести. Не хотелось бы опасаться, что вы вновь попытаетесь ограбить меня и бежать.

– Но ведь вы в любом случае не сможете мне никогда доверять, – вызывающе заметила она.

– Само собой, – довольно беззаботно ответил он. – И все же не хотелось бы получить подтверждение собственной правоты!

– Вы даже не снизили до того, чтобы разозлиться на меня! – Почему-то его спокойствие бесило ее, будто из-за этого ее замысел провалился дважды.

– Вы заблуждаетесь, – возразил Эван. – Вам в самом деле удалось разозлить меня.

Разжав хватку, он протянул руку к капюшону накидки, откинув ее назад. Длинные пальцы пробежались по прядям волос, слегка подталкивая ее голову, пока лицо Лотты не оказалось совсем близко. И тут она почувствовала жар ярости, рвущийся у него изнутри. Какой невероятный контраст с его ровным, лишенным эмоций голосом!

– Я нечасто даю волю своим эмоциям, – сообщил он свирепым шепотом. – Вам стоит это знать и никогда не забывать, если в будущем вы пожелаете угодить

мне.

– Угодить вам? Не имею ни малейшего желания угождать! Разве вы еще не поняли? – с возмущением выпалила Лотта.

– Ко всему прочему вы еще и неблагодарны. – Его голос прозвучал даже весело. – А стоило бы оставить вас в том борделе, где вам предстояло и дальше обслуживать половину Лондона.

– Взамен вы купили меня с той же целью!

– Я предоставил вам выбор, – заметил Эван.

Он произнес это тем ледяным тоном, который красноречиво свидетельствует о ярости, kloкочущей внутри.

– Я предупреждал, мне не нужна любовница, которая действует не по своей воле и выбору. Вам не стоило идти со мной.

– Но это значило отказаться от денег! – разъяренно вскричала она.

Наступила пауза, затем Эван громко рассмеялся:

– Я так и знал, что вы окажетесь продажной кокоткой.

Он сжал лицо Лотты ладонями и страстно и сильно поцеловал ее. Лотте почудилось, что злость лишь прикрывает пульсирующее внутри жгучее желание. Ярость и желание переплелись в нем неразрывно. Еще в борделе она поняла, что он жаждет близости, но уже тогда знала, что его выбор – воздержание. Его сдержанность сильно озадачивала, ведь любой другой мужчина на его месте давно дал бы волю своей похоти. Видимо, злость зажгла его кровь и контроль ослаб. Теперь Лотта поняла, насколько бурные чувства вызвала попытка побега. Там, в глубине его души, жила ярость, темная и неуправляемая. Эван привык прятать ее глубоко и держать крепко в самых глубинах души.

Эван провел языком по нижней губе, проникая глубже в рот, чтобы пробовать и завоевывать. У Лотты закружилась голова. Всего час назад единственным чувством в ее груди была полная заброшенность. Теперь все, что мучило, слилось со вскипевшей злостью и столкнулось, сливаясь в единый поток, с подобными страстями, которые кипели в душе Эвана. Он действовал как захватчик, но и Лотта отвечала с той же страстью и яростью.

Она придвинулась так, чтобы заставить его ноги раздвинуться шире. Желание ощутить его эрекцию у своего бедра дурманило ее. Лотта сильно прижалась к нему и услышала, как он застонал.

– Это и есть то, что вы купили, – сказала она, на мгновение оторвавшись от поцелуя. – Испытайте, если хотите.

Она довольно сильно укусила его, заставив инстинктивно отшатнуться назад и чертыхнуться. Внезапно Эван легко подтолкнул ее и опрокинул на сиденье так, что Лотта оказалась внизу под ним. Ее ноги запутались в шелковом водопаде юбок, когда он прижал их всем своим весом. Она смотрела в его лицо, не в силах перевести дыхание. Он дышал так же тяжело и бурно, темный огонь необузданности горел в его глазах.

Эван резко сорвал накидку с ее плеч и потянул вниз корсаж платья. Нежная ткань порвалась, не выдержав ярости. Он захватил освобожденную от платья грудь страстными горящими губами так, что Лотта вся выгнулась от внезапного прилива жара. Желание поглощало ее, двигаясь неудержимой волной, не поддаваясь контролю разума. Она не в силах была сопротивляться после стольких месяцев холодного бесчувствия и вся отдалась этой томящей и требовательной силе, в которой бился огонь жестокого и необузданного желания.

Эван прикусил ее грудь так сладостно, что Лотта задохнулась от потрясшего ее тело болезненного удовольствия. Ее пальцы вплелись в темные густые волосы и довольно сильно потянули за пряди, стараясь ближе к себе прижать его голову.

Он снова пробормотал какое-то проклятие, продолжая покрывать ее грудь частыми мелкими поцелуями, от чего ее кожа трепетала и розовела от сладостной муки, причиняемой его губами и языком. Рука Эвана уже скользила по ее бедру, пробираясь выше. Она лихорадочно старалась освободить его от

одежды, сходя с ума от предчувствия того, что он может сделать, войдя внутрь ее до самого конца, влекомый жаждой обладания. Это какое-то наваждение и бегство, доставляющее блаженство. Лотта почувствовала его ладонь на тонкой коже внутренней части бедра и выгнулась в томительной жажде приблизить его к цели.

Карету сильно качнуло, почти сбросив обоих с неширокого сиденья. Эвану пришлось сильнее обхватить Лотту руками, чтобы защитить от падения. Секунду она смотрела прямо ему в лицо, отмечая в нем знакомое смешение чувств – ярость, смятение и желание. Затем все померкло и растворилось в обычном бесстрастии, и Лотта уже не понимала, не почудилось ли ей это.

Кажется, карета остановилась.

– Где мы? – спросила Лотта.

Она чувствовала, что обессилена и сбита с толку. Злость и вождение быстро таяли, а холодная пустота вновь занимала свое место, заползая в отдаленные уголки души.

– Это отель «Лиммерз», – ответил Эван. – Приезжая в город, я всегда в нем останавливаюсь.

Он отодвинулся, выпрямившись. Лотта пыталась расправить платье немного дрожащими руками. Еще минута, а может, мгновение – и он был бы внутри нее. Она желала этого, желала его так яростно, что перехватывало дыхание. Так отчего же она чувствует себя ничтожной и опустошенной?

Она укуталась поплотнее в накидку, словно стараясь защитить себя от подступающего к сердцу холода.

– «Лиммерз»? Что за дешевка! – воскликнула она.

– Как точно замечено, – ухмыльнулся Эван.

Он наклонился, чтобы открыть дверцу наемной кареты, и вышел, бросив со словами благодарности несколько монет вознице, и повернулся, протянув руку

Лотте. Как только она направилась к двери отеля, он остановил ее, положив ладонь на ее руку.

– Пойдите, – сказал он мягко.

Окинув Лотту взглядом, он с неожиданной заботой и трогательностью расправил накидку, надел капюшон так, чтобы скрыть ее растрепавшуюся прическу, прикоснулся к ее щеке мимолетным ласковым жестом. Лотта не успела понять, насколько случаен был этот жест, все ее существо затрепетало в ответ. Она заглянула ему в глаза, ища в них отблеск чувства, и не нашла!

– Все было очень неплохо, – заметил Эван легко и насмешливо. – Возможно, я получу какую-то пользу от вложенных денег.

В эту минуту Лотта отметила, что от Эвана Райдера не стоит ожидать простой человеческой нежности. Она сама подставила себя под удар, наивно ожидая подобных сантиментов от него. Только секс и деньги, а остальное – выбросить из головы! На этом и предстоит строить свою новую жизнь. Теперь уж она постарается не забывать полученный урок!

Глава 4

Эван обдумывал, как провести остаток вечера, но все возможные варианты только подхлестывали растущее раздражение. Он злился на Лотту, на себя самого, на обоих сразу. Похоже, то, как все совпало и сложилось, и являлось основной причиной его злости.

Он был в ярости, подумать только, Лотта попыталась его обокрасть и сбежать. Подобное вероломство, по идее, не должно было глубоко задеть его, скорее развлечь. Всего лишь легкий просчет в оценке. Вместо этого он почувствовал гнев, которого не ожидал от себя и который спровоцировал желание обладать Лоттой. Собственно, она искусно подогрела его своим недвусмысленным поведением. Он полагал, что владеет своими чувствами и никогда не теряет контроля над собой. Особенно в отношении женщин. Теперь его уверенность поколебалась. Выбрать любовницу и спать с ней – всего лишь часть плана.

Вместо этого он каким-то непонятным образом попал в другую, незапланированную ситуацию.

Он с таким ожесточением стремился к близости с Лоттой и почти достиг ее в наемной карете. Именно почти. И это рождало у Эвана ощущение потрясения и неудовлетворенности. Никогда ему не приходилось испытывать подобное с другими. Он был достаточно искушен, чтобы позволить страстям играть собой, чувствам он и вовсе не придавал значения. Стоило непрошеному чувству проявить себя, как он тут же устанавливал дистанцию.

Лотта ничего не ответила ему, проскользнув вперед к дверям, ведущим в грязный вестибюль отеля. В ней чувствовалось благородное достоинство, которое трудно вытравить даже бесчестием и разорением у тех, кто, подобно ей, происходит из старинных знатных фамилий.

Эван последовал за ней. Появление Лотты вызвало несомненный интерес у постояльцев и прислуги, встретивших их в темноватом и лишенном привлекательности холле. Несколько подтянутых джентльменов – а в «Лиммерзе» обычно останавливались приехавшие поразвлечься владельцы окрестных поместий – жадными взглядами проводили Лотту, даже бледный клерк за конторкой не смог скрыть блеск возбуждения в глазах. Лотта смотрела на всех с высокомерным равнодушием. Эвану пришло в голову, что в этой бархатной накидке, из-под капюшона которой выбивались непослушные пряди шелковистых волос, и лицом, свободным от косметики, она больше похожа на молоденькую дебютантку, чем на опытную куртизанку, героиню множества скандальных любовных похождения.

В это время к ним подошел худощавый человек в кожаных бриджах и флотском кителе – форме 1-го полка наполеоновских карабинеров. Выступив вперед, он поклонился Лотте с непринужденной элегантностью.

– Примите мое восхищение, мадам, – произнес он. – Полковник Жак Ле Прево к вашим услугам. – Обернувшись к Эвану, он выразительно приподнял рыжеватые брови. – Бог мой, Сен-Северин! Мне казалось, вы собираетесь в храм Венеры, принадлежащий миссис Тронг, чтобы найти себе любовницу, а не в пансион благородных девиц!

Прежде чем Эван успел ответить, Лотта мило улыбнулась Ле Прево. Она прекрасно говорила по-французски.

– Вы ошибаетесь, месье. Я только что из борделя, а не из классной комнаты.

– О, мадам! – единственное, что смог произнести пораженный Ле Прево. Придя в себя, он устремил искрящийся смехом понимающий взгляд на Лотту. У него были очень выразительные глаза зеленовато-орехового цвета. – Какая находка – совершенный французский и прекрасное чувство юмора! Да вы просто счастливчик, Сен-Северин.

Он смотрел на Лоту изучающим взглядом.

– Хотелось бы надеяться, что Вонтедж не окажется чересчур скучным для вас в таком интересном обществе.

– Желаю и вам хорошо провести время, – ответил Эван, беря Лотту под руку. – Жак не так давно из Ридинга, – негромко пояснил он. – Это как раз то место, куда сосланы все самые богатые и влиятельные французские офицеры. Можно сказать, там собралось вполне приличное общество. Вряд ли он представляет, что за дыра этот Вонтедж.

– С этого момента я уже готов смириться со своей судьбой, – улыбнулся Ле Прево, дружески хлопнув Эвана ладонью по спине. – Но поверьте, лучше бы вам увести отсюда вашу английскую розу, мой друг, чтобы эти ревнивые деревенские джентльмены не попытались вернуть ее себе. – Он еще раз элегантно поклонился Лотте. – К вашим услугам, мадам. С нетерпением буду ждать более близкого знакомства.

– Я даже не подозревал, что вы так хорошо владеете французским, – сказал Эван, когда они стали подниматься по лестнице. – Вы, наверное, были очень любознательным ребенком?

– В это трудно поверить, не так ли? – усмехнулась Лотта. – На самом деле меня трудно было назвать прилежной. Моя гувернантка миссис Снук приходила в полное отчаяние. Но поскольку моя бабушка была француженкой, а мать в основном говорила с нами по-французски, я выучила его помимо своей воли.

– С нами?

– Да, с моим братом Тео и мной. А сейчас... он далеко, – добавила Лотта, колебавшись.

Эван увидел, как тень промелькнула в ее глазах.

– Сражается против французов? – предположил он.

Эван увидел, как опустились уголки ее рта, а голос почти прервался.

– Я уже несколько месяцев не имею известий о нем и не уверена...

Ясно, она не знает, жив брат или погиб, сражаясь.

– Поверьте, мне жаль, – произнес Эван.

Лотта только пожала плечами. На ее лице сейчас было выражение покоя и сосредоточенности. Могло показаться, что ей безразлично сочувствие окружающих. Но Эван уже начал понемногу узнавать ее. Все могло пойти по-другому, если бы брат оказался рядом и помог ей, когда Лотта так нуждалась в его поддержке.

– Не стоит дольше об этом говорить, – с легким безразличием произнесла она.

Они уже шли по коридору второго этажа, кругом было тихо, и лампы горели неярко. Снизу доносились запахи еды и шум толпы.

Лотта искоса посмотрела на Эвана.

– А как вы учились говорить по-французски? – спросила она.

– Мне пришлось очень быстро учиться, – ответил он, улыбнувшись. – В кавалерии Наполеона не стоит поворачивать налево, когда все едут направо. – Он печально покачал головой. – Я изучал языки совсем в других условиях. Мне это далось ужасно тяжело. Если бы не талант кавалериста, меня бы просто выгнали за

незнание языка.

– Сколько вам тогда было лет? – спросила Лотта.

– Семнадцать. В пятнадцать я убежал из дома, а в семнадцать присоединился к Великой армии.

Он пожал плечами. Перед мысленным взором все еще маячил тот хрупкий и упрямый юноша, которого лишения и опыт заставили очерстветь. А в душе еще жил испуганный мальчишка.

– Вы были слишком молоды, – сказала она, угадав его мысли. – А меня в семнадцать выдали замуж, – печально добавила Лотта.

Встретившись с ней глазами, Эван снова почувствовал, насколько близки их эмоции и ощущения. Чувство шло откуда-то из самых глубин естества, порождая острое желание обнять Лотту как можно крепче, прижать к своей груди и забыться с ней. Пусть этот мир со всеми его столкновениями катится ко всем чертям. Какой-то краткий миг он колебался, что-то в душе еще сопротивлялось этому притяжению, отвергая возможность близости. Но вождение взяло верх над разумом. Шагнув вперед, Эван обнял ее, притянув к себе ближе, и поцеловал.

Лотта тихо выдохнула, лишь только его губы прикоснулись к ней. Ее губы были потрясающе мягкими и бархатистыми, и ему захотелось глубже впиться в них своим ртом. Эван старался вернуть себе контроль над чувствами. Это была всего лишь прелюдия к тому, чего он в самом деле желал. Он колебался, пытаясь ощутить отклик с ее стороны. Лотта выглядела смущенной, даже невинной. Какой разительный контраст с той животной страстью, которую она проявила в карете! И все же в ее поведении не было ничего наигранного. Эван еще раз убедился в правильности первого впечатления, когда остановил свой выбор на самой уязвимой среди развязных обитательниц заведения миссис Тронг.

Открыв одну из дверей, Эван пропустил Лотту вперед, и они оказались в небольшой комнате. Затем он закрыл дверь, прислонился к ней спиной и взглянул на Лотту. Капюшон соскользнул с ее головы, дав свободу волне растрепанных каштановых волос. Она казалась такой молодой, очаровательной и очень бледной. Как этой искушенной развратнице удавалось выглядеть столь

трогательно и невинно? Почему ее присутствие тревожит его? Желание быстро нарастало, становясь все сильнее и горячее, переходя в невыносимую жажду обладания. Он должен взять ее немедленно.

– Итак, на чем мы остановились?

Как ни старалась, Лотта не могла унять мелкую дрожь, пробежавшую по телу. Эван видел это и не спешил, устремив на нее внимательный взгляд.

– Что происходит? – наконец спросил он. – Там, в карете, мне казалось...

– Я знаю! – вспыхнула Лотта.

Она ничего не могла поделать с собой. Чем больше старалась сохранять спокойствие и изображать утонченную сексуальность, в которой сама не была уверена, тем больше нервничала. Лотта понимала, что Эвану нужна опытная любовница. Он сам весьма красноречиво сказал об этом, когда они выходили из кареты. Жаль, конечно, но ему попалась подделка!

– В карете вы привели меня в ярость, – сказала она.

Лотта взглянула на него из-под длинных ресниц. Он продолжал внимательно смотреть на нее. В глазах Эвана горело пламя желания, но он был спокоен, сдержан и сосредоточен скорее на том, что она говорит, чем на ее теле. Она тихонечко вздохнула, почувствовав облегчение – он не из тех, кто готов сразу набрасываться и брать силой, как это бывало с некоторыми.

– Это даже хорошо, когда злишься, – заметила она. – Тогда перестаешь думать. А сейчас я больше не злюсь и не могу... – Она сделала неопределенный жест. – Правда в том, что я потеряла уверенность в своих силах, милорд. Один вид кровати заставляет меня скорее нервничать, чем испытывать любовный жар. Не вижу ничего смешного! – добавила она, заметив улыбку на его губах. Самой Лотте впору было расплакаться. Сильно потеряв глаза тыльной стороной ладони, злясь на себя за подобную слабость, она постаралась принять спокойный и независимый вид.

Эван кивнул в ответ, и тонкая развращенная улыбка мелькнула на его губах.

– Конечно, не смешно, – миролюбиво сказал он, не смотря на то что его губы все же продолжали слегка подергиваться. – Я и не представлял, однако, насколько вы традиционны. До этого момента мне казалось, что ваши амурные приключения происходят в более захватывающих местах, чем простая кровать.

Он двинулся вперед и, остановившись перед Лоттой, стал расстегивать ее бархатную накидку. Она почувствовала тепло его рук на своей обнаженной коже. Эван нежно провел по ее рукам, будто пытался приласкать и успокоить норовистую лошадь. Это подействовало на нее, заставив расслабиться и притихнуть.

– С моей точки зрения, у нас есть выбор, – спокойно продолжил Эван. – Можно попробовать снова разозлить друг друга – это очень просто приведет к очень ненадежному партнерству, или... – он сделал паузу, – я мог бы помочь вам преодолеть отвращение к кроватям как предмету обстановки, а заодно вернуть уверенность в себе. Что выберете?

Сердце Лотты отчаянно забилось, дыхание перехватило, к горлу подступил ком. Отступать было некуда. Время на размышление закончилось. Она взяла деньги, и ей придется за это платить. Остатки самообладания покинули ее, Лотта попробовала извиниться.

– Я не уверена, что вы тот человек, который мог бы мне помочь.

– Вы полагаете, у меня не хватит для этого сноровки? – насмешливо взглянул на нее Эван.

– Нет, что вы! Как это по-мужски, – невольно улынулась Лотта. – Думаю, вы слишком хороши для меня. Кто-то не столь опытный и умелый подошел бы лучше, не ожидая от меня многого и не разочаровываясь.

– Нет, вам нужно не это. – Эван вновь мягким движением прикоснулся к ее обнаженным рукам, нежно проведя вниз до самых кистей. Это было невероятно приятно и отвлекло Лотту от всех ее горестей. – Вам нужен именно я. Вас нужно соблазнить, – продолжал он.

Соблазнить. Это слово повисло между ними в теплом покое комнаты. В нем чувствовалась непреодолимая сила искушения. Лотта затрепетала от

предвкушения.

– Вы относитесь к этому как к спорту, – предположила она.

– Возможно, что-то в этом есть, – улыбнулся Эван. Затем улыбка угасла, уступив место колючему и тяжелому взгляду, остановившемуся на ней. – Не промахнитесь, Лотта, – словно посоветовал он. – Я покупал любовницу и теперь хочу получить то, за что заплатил.

Огонь вспыхнул в его глазах. Он провел пальцем по изгибу ее руки, заставив вздрогнуть.

– Постарайтесь поработать для того, чтобы получить удовольствие, это так возбуждает. Если вы хотите воспользоваться вашими профессиональными уловками, лучше не старайтесь. Я ненавижу короткие пути, ведущие к обладанию, – прибавил он.

Новая волна возбуждения пробежала у Лотты по спине, возбуждения, связанного со знакомым предвкушением.

– Должно быть, это забавно – заниматься соблазнением собственной любовницы, – несколько запоздало отреагировала она и быстро спросила, в то время как Эван склонился, целуя ее тонкие ключицы: – Вам бы стоило подыскать себе другую, чтобы не уговаривать, как школьницу.

– Теперь уже я не намерен что-либо менять, – пробормотал Эван, прижимаясь поцелуем к ямочке между ее ключицами.

Лотта почувствовала, что он улыбается. Ее пульс бешено забился, она понимала, что Эван ощущает каждый его удар. Ноги ее ослабели.

Эван все понял. Отступив назад, он взял ее за тонкие запястья и пристально посмотрел на нее. Лотте вдруг стало нестерпимо противно от того, что на ней дешевое яркое платье – первое, что попало ей на глаза при поспешных сборах. Это платье с вызывающей откровенностью предлагало свою хозяйку. Вот что осталось на память от заведения миссис Тронг. Она замерла, а Эван, почувствовав это, вопросительно взглянул на нее. В его синих глазах все еще

мелькала улыбка, но в нем уже разгоралось пламя. Это пламя страсти Лотта научилась безошибочно узнавать в глазах мужчин. Ее своевольное сердце затрепетало.

– Все в порядке, – мягко произнес он.

Непонятно, как Эван прочел ее мысли и почувствовал ту, почти физическую боль, которую ощущала Лотта от всей этой дешевой бордельной мишуры.

– От этого так просто избавиться.

– Как вы практичны! – произнесла она, искривив в улыбке дрожащие губы.

– Мне доставит удовольствие помочь вам, – улыбнулся он в ответ.

Эван провел руками от плеч до локтей Лотты, и платье, сшитое точно по фигуре, упало к ногам, как опустевшая скорлупа. Она осталась в тончайшей сорочке, сшитой из небольшого куса шелка. Это была ее собственная сорочка, часть того немногого, что осталось от прежней жизни. Этот кусочек шелка бросал вызов правилам и вкусам, царившим в заведении миссис Тронг. Сорочка была настолько тонкой, что соски легкой тенью угадывались сквозь ткань. Две небольшие округлости сладостно приподнимали мягкий шелк. У Эвана перехватило дыхание от подобного преображения. Несмотря на небольшой рост, Лотта была хорошо сложена, ее фигура привлекала мягкими благородными очертаниями. Возраст несколько округлил и смягчил изгибы, будто ее тело несколько устало от этой жизни. Лотта едва ли могла винить свою грудь за то, что она немного опустилась, словно утомленная удовольствиями.

Эвану явно по вкусу пришлась некоторая полнота ее фигуры. На его губах играла уже знакомая Лотте улыбка, и острый огонек желания разгорался в его глазах все ярче.

– Аппетитно, – заключил он тихо, и она почувствовала, как знакомое чувство предвкушения пронзило ее тело острыми иголочками.

Она хотела, чтобы он снял с нее сорочку, но вместо этого Эван обхватил ее лицо руками и поцеловал снова, медленно и уверенно, преодолевая сопротивление ее

губ, убеждая подчиниться его воле. Лотта с некоторым колебанием стала отвечать ему, чувствуя, как смешивается их дыхание, как мягко ее язык прикасается к его. Затем волна желания ответить ему, победить и повести к обладанию поднялась в ней. Мысль о том, что Эван может вдруг снова остановиться, отступить, молнией пронеслась в голове, заставив испуганно замереть и прислушаться. Сейчас он дышал тяжелее, и ей чудилось кипящее внутри его нетерпение, все еще сдерживаемое железным усилием воли.

Она подняла руки, чтобы ему было удобнее снимать сорочку. Эван отбросил прочь невесомый шелк и не отрываясь смотрел на Лотту. Она стояла перед ним абсолютно нагая, лишь в чулках и туфельках, пытаясь отвернуться от его изучающего взгляда. Лотта ясно сознавала, как сейчас ее поведение отличалось от той бравады, с которой она привыкла дефилировать в полупрозрачных нарядах перед посетителями борделя. Ничего похожего. В этой наготе было гораздо больше благородства, хотя и намного меньше одежды.

Когда Лотта вновь собралась с духом, чтобы взглянуть Эвану в глаза, она увидела в них бесстыдно оценивающее выражение, от которого у нее перехватило дыхание.

– Вы прекрасны! Но конечно, сами знаете об этом, – сказал он, удерживая ее взгляд так, чтобы она больше не отводила его.

Вот уж вряд ли! Интересно, говорил ли ей хоть один из ее мужчин что-либо подобное. Грегори она была нужна лишь потому, что ее красота как бы прилагалась к обширным связям ее семьи. Жена служила украшением, свидетельствующим о положении, которое он занимает в обществе. Грегори никогда не видел в ней женщину, всегда относился к ней с той осторожностью, с какой относятся к ценному фарфору или тонкому стеклу. Ее любовники не скупились на комплименты, но это было лишь частью игры, лицемерием, теми словами, которые она хотела услышать. Эван же говорил так, что она верила – он это чувствует. Другая часть ее существа цинично настаивала на излишней доверчивости, и все же ей отчаянно хотелось, чтобы все оказалось правдой.

– Я... – Ее сердце билось в груди с такой силой, что слова застревали в горле.

Она смутилась и почувствовала непреодолимое желание сорвать покрывало с кровати и завернуться в него, как в плащ. Одновременно ее сжигал жар, она

чувствовала головокружение и восторг, томящее желание перемещалось все ниже.

Пробуждение.

Лотте почудилось, что она вдруг вернула себе прежние ощущения, но они казались лишь бледным подобием ощущений теперешних. Эта жгучая реальность превзошла все, что было прежде.

Простое прикосновение Эвана к ее руке заставило Лотту вздрогнуть. Боже, имея все возможности, он предпочел всего лишь прикоснуться к руке обнаженной женщины... Он мягко потянул Лотту, усаживая на краешек кровати, потом уложил так, что она, не защищенная ничем, вся открылась его взгляду. Ее тело вновь выгнулось от неосуществленного желания, в то время как его взгляд продолжал беззастенчиво путешествовать, оценивая ее всю до самых кончиков ногтей. Протянув руку, он сбросил с нее туфельки, за ними последовали чулки.

Эван устроился рядом с ней, облокотившись на локоть. Он все еще был полностью одет.

– Вы по-прежнему выглядите испуганной, – заметил он, прикасаясь к щеке жестом полным сдержанной ласки, и, потянувшись, убрал прядь растрепавшихся волос с ее лба. – Мне казалось, я сделал все, чтобы развеять ваши страхи.

– Вам удалось, – прошептала Лотта, прижимаясь губами к его пальцам. – Но если вам снова придет в голову остановиться, я просто убью вас.

Он рассмеялся и хищно устремился к ней, чтобы вновь завоевать ее губы, впившись в них новым глубоким поцелуем. Теперь он вел себя жестче, не стараясь полностью контролировать себя. Лотта почувствовала, насколько свободнее он стал, взамен приобретя силу, с поцелуем уносившую ее туда, где разливался сладостный жар, откуда не хотелось возвращаться.

Дыхание почти прервалось, когда они смогли оторваться друг от друга.

– Снимите одежду, – прошептала Лотта. – Ведь так мы не сможем быть на равных.

Эван перевернулся на кровати, сорвав с себя камзол и отшвырнув его в дальний конец комнаты. Туда же последовали шейный платок и рубашка. В каждом жесте сквозило едва сдерживаемое нетерпение. Лотта наблюдала за ним. За эти годы ей приходилось часто видеть обнаженных мужчин. Их тела чаще всего вызывали у Лотты чувство досадного разочарования. Неправильно сложенные, обрюзгшие, зачастую просто уродливые мужчины много выигрывали, когда были одеты. Ее бабушка-француженка предупреждала Лотту об этом, перед тем как выдать замуж неопытную семнадцатилетнюю девицу. К сожалению, Лотте так и не пришлось усомниться в ее правоте.

Но к Эвану Райдеру это не имело никакого отношения. Его тело было крепким и гибким. Широкие плечи и грудь поражали своей мускулистостью. Бедра от постоянных упражнений в верховой езде, на взгляд Лотты, были, пожалуй, чуть более мускулисты, чем требовалось, но почему-то именно это заставляло ее голову кружиться от предвкушения. От подобного зрелища во рту у нее пересохло, кровь сильными толчками билась от нарастающего вожделения.

– А дальше, – поторопила она, видя, что Эван остановился. Огонек, который горел в его глазах, когда он смотрел на нее, разгорался все ярче и сильнее, желание брало верх. Ее сердце тяжелыми ударами сотрясало грудь.

Всего мгновение понадобилось Эвану, чтобы сорвать с себя оставшуюся одежду, и вот он перед ней, совершенно обнаженный и прекрасный в своей наготы, поражающей силой и мощью. Лотта не смогла не задержать восхищенный взгляд на его бедрах. Его эрекция потрясла ее так же, как и все, что она видела, в горле пересохло. Ей казалось, что сейчас он набросится и, раздвинув ее бедра, овладеет ею.

Однако ничего не происходило. Эван стоял, устремив свой взгляд на Лотту так, что она почти физически ощущала его, как прикосновение. Она беспокойно поежилась. Тогда он вновь прилег рядом и принялся ласкать ее, мягко и благоговейно прикасаясь губами повсюду, от плеч до округлого изгиба бедер и теплой мягкости живота. Когда Эван поцеловал ее под грудью, Лотта вся напряглась и затрепетала. Потянулась навстречу, как опытная любовница полагая, что настал момент проявить инициативу. Однако Эван твердо отвел ее руки и мягко прижал к бокам.

– Нет, еще не время. Лежите спокойно. Мы все будем делать так, как хочу я, – прошептал он.

И продолжил любовную пытку, действуя твердо и нежно. Каждое прикосновение оставляло на ее коже огненный след, жгучую печать. Эван чуть прикусил ее у основания шеи, каждый вздох, который ощущала ее кожа, заставлял Лотту трепетать все сильнее. Она поняла, что выгибается навстречу, ища его поцелуев, желала, чтобы он вновь охватил своими губами ее грудь, открывалась его ласкам. Но он оставил ее призыв без ответа, вызывая прилив отчаянного неудовлетворения, близкого к ярости. Вместо этого он занялся исследованием ее живота, внезапно ударив ее кончиком языка во впадину пупка. Прохлада дохнула на ее влажную кожу, и она содрогнулась, всем существом желая почувствовать такой же удар внутри себя.

– Пожалуйста...

Эта мольба сорвалась с ее губ помимо желания, Лотта сама плохо осознавала, что делает. Она лишь почувствовала, как он улыбается, продолжая целовать ее живот.

Приподнявшись и дотянувшись до ее возбужденного соска, он взял его в рот. Она почти закричала, сознание померкло от невероятного наслаждения. Он чуть тянул и покусывал, заставляя испытывать экстаз, грозящий расплавить каждую косточку в ее теле. Дрожь стало невозможно унять. Мускулы живота нервно сжались, и она вновь потянулась к нему, ослепнув от желания, однако Эван вновь прижал ее к кровати, покрывая поцелуями и лаская всю от живота до груди до тех пор, пока Лотта не застонала. Ее тело ожило, подавляя все мысли, оставляя место лишь для чувств.

– Вы сводите меня с ума... – Слова вырвались у нее независимо от желания. Она услышала, как он рассмеялся, прежде чем предать ее грудь новой сладкой муке.

Лотта извивалась в томительной жажде почувствовать его внутри себя, Эван ускользнул от объятий, продолжая медленную утонченную пытку ее тела, прижимаясь приоткрытым ртом к коже, оставляя на ней жгучие, как клеймо, следы. Теперь, вновь приблизившись к нежной шее, он покрыл ее мелкими, нестерпимо сладостными поцелуями, а затем, приподнявшись, приник губами к ее рту, требовательному, жадному, отказавшемуся от всякой сдержанности.

Он захватил власть, и теперь, чего бы ни пожелал, Лотта отдала бы больше. Ее память, опыт не могли ничем помочь, она никогда прежде не испытывала подобного томного наслаждения, окрашенного с изысканной нежностью.

– Пожалуйста... – вскрикнула Лотта снова, и собственный голос показался ей незнакомым. – Сейчас...

На этот раз Эван подвел свою руку под ее бедра, разводя ноги. Лотта почувствовала, как прохлада проникла к влажной жаркой расщелине, заставляя ее тело ощутить спазм неутоленного желания. Он нависал над ней, позволяя своим пальцам, чуть поглаживая, продвигаться по гладкой чувствительной коже внутренней части бедер все выше, соскальзывая к жаркой алчущей сердцевине. Он касался и ласкал ее там, пока она не вскрикнула, думая, что наконец смогла утолить свой мучительный голод. Его пальцы, описывающие медленные круги, приостановили свое движение.

– Подождите, – прошептал Эван. Его дыхание прошло по разгоряченной коже, заставив ее задрожать от возбуждения. Ей чудились в его голосе следы какого-то развращенного юмора. – Еще не время.

– Я больше не могу!

Еще одна волна сильной дрожи пробежала по ее телу.

Страсть, безудержная и невыносимая, захлестнула трепещущее тело. Лотта чувствовала, что балансирует на самом краю, клонясь все ниже к дышащей жаром бездне вожделения. Еще одно, завершающее движение его руки, и эта бездна поглотила ее, прорвавшись внутрь темным всполохом невероятного наслаждения, которое вытеснило все прочие чувства. Стыд и замешательство, преследовавшие ее на протяжении последних недель и даже месяцев, мучительные сомнения, разбившие ее веру в себя и свою сексуальную притягательность, пропали. Их место заняли жажда наслаждения и энергия жизни. В этот прекрасный момент Лотта поняла, что, как это ни ужасно, ее просто переполняет чувство безмерной благодарности к этому мужчине. Может быть, она влюблена?

Слепящий свет понемногу уходил, освобождая место внешнему миру. Его затмевающий сознание блеск померк. Глубоко и часто дыша, она обессиленно раскинулась на кровати, не в силах владеть блестящим от любовной испарины телом. Теперь к Лотте вернулась способность видеть, и она поняла, что Эван не удовлетворен ни на йоту, об этом свидетельствовала впечатляющая эрекция его члена. В возвращающемся сознании слабо забрезжило позднее раскаяние. В погоне за собственным удовольствием она не позаботилась о его наслаждении, проявив себя как плохая любовница.

– Простите, – сдавленным шепотом произнесла она и увидела, как между его бровями вдруг пролегла хмурая складка.

– За что же?

– Вы приказали мне ждать...

По ее телу пробегали последние отголоски испытанного наслаждения, как эхо умолкнувшей мелодии.

Его лицо просветлело.

– Мне льстит, что вы не смогли устоять.

Эван наклонился над Лоттой и легко вошел, вызвав у нее непроизвольный глубокий выдох, когда она плотно охватила его. Новый поток чувственных ощущений обрушился на нее.

– О!

Он действовал неторопливо, ожидая, пока ее тело инстинктивно подстроится под него, пустит глубже в свое ложе, плотно охватит алчущим жаром вожделения. Потом плавными качающимися движениями Эван небольшими толчками начал проникать все глубже внутрь, стремясь, едва закончив свое движение, возобновлять его снова и снова. Тело Лотты напряглось, с наслаждением отзываясь на его движения, зажав его плотным мягким кольцом. Она слышала только его дыхание, тяжело прорывающееся сквозь сомкнутые зубы. Заглянув снизу в его лицо, Лотта увидела выражение решимости и воли и

поняла, что он не позволит себе изменить темп. Она расслабилась, отдав себя в его власть, тая и растворяясь в накачивающем блаженстве.

Эван овладевал ею медленно, очень медленно, освобождаясь и снова погружаясь в нее так глубоко, что она сладострастно приподнималась, предчувствуя его возвращение, готовая отдаться без остатка телом и душой с каждым новым ударом. Это было настолько изысканно-нежно, что у Лотты перехватило дыхание. Ее веки сомкнулись, давая ему знак, что она готова поддаться его любовному ритму, пылко отвечая на все, что он мог ей предложить, и требуя большего.

Ритм изменился, ускоряясь. Лотта помогала погружаться все глубже, чувствуя, как с каждым новым движением они оба приближаются к самой высшей точке, за которой только бездна жгучего наслаждения. Настал момент, когда Эван отбросил всякий контроль и, войдя в нее, вскрикнул, вплетая свои пальцы в пряди ее волос. С этим последним толчком он ринулся в манящую бездну, увлекая Лотту за собой. Все померкло, оставляя место только безграничному наслаждению. Это оказалось несравнимо с тем, что Лотта испытывала когда-либо прежде. Инстинкт подсказывал ей, что так Эван заявляет свои права на обладание своей женщиной.

Лотта дала свободу своему пресыщенному ласками телу и замерла, пока ее разум, как перышко, воспарял из темных глубин отступающего вожделения. Ей не хотелось ни о чем думать. Любые размышления о том, что она, прежде одна из самых изысканных замужних дам высшего света, с такой невероятной легкостью предложила себя всю от сердца до, как утверждали злые языки, несуществующей добродетели, могли привести ее в замешательство.

В конце концов мысли и ощущения вернулись, и с этим ничего нельзя было поделать. Лотту переполняла пресыщенность от близости. Какое роскошное удовлетворение страстности, не находившей так долго выхода! Однако новая, не физическая, а эмоциональная уязвимость заняла пустующее место. Она пришла вместе с близостью, и Лотта никак не могла избавиться от холодка, который чувствовала прямо под сердцем. Она смотрела на лежащего рядом Эвана и понимала, что он испытал жгучее наслаждение от близости с ней. Лотте хотелось обнять его, прижаться и испытать то чувство единения, которое было между ними. Она хотела увидеть любовь в его глазах.

Разве можно путать любовь с чувством благодарности? Эвану просто удалось показать ей, что физическая близость может быть ослепительно-яркой. За это она в огромном долгу перед ним. На этом стоило бы остановиться, Лотта не имела глубоких чувств, она просто не могла позволить себе подобную роскошь. Тем не менее она ощущала тот самый сосущий сердце холодок, который доказывал, что любовь не спорт и не развлечение, а жгучие эмоции, испепеляющие душу. Многочисленные любовники чаще всего просто развлекали ее, не способные дать то глубокое и неуловимое чувство, которое она искала. Новые рубцы появлялись на сердце, убивая уверенность в своих силах.

Эван перевернулся на бок, открыл глаза и улыбнулся Лотте. Сердце подпрыгнуло у нее в груди, а отчаяние стало почти нестерпимым. Нет, не надо обманываться. Что за глупость – позволить себе влюбиться, едва сблизившись с мужчиной! Реальность, с которой необходимо смириться, в том, что в его жизни она занимает очень незначительное место, он просто использует ее, а потом выбросит.

– Спасибо, мне было так хорошо, – сказала она, стараясь за словами спрятать свои чувства.

– Рад служить, – рассмеялся Эван. – Побег больше не повторится? – спросил он, приподняв бровь.

Лотта кивнула. Ясное дело, теперь уже слишком поздно думать о чем-либо подобном.

– Я не убегу, – прошептала она.

Эван приник губами к шелковистой коже ее живота.

Лотта затрепетала, пытаясь одновременно нащупать какое-нибудь покрывало, чтобы прикрыться. Если бы сердце можно было закрыть так же, как наготу тела!

– Я проголодалась, – сказала Лотта, вдруг вспомнив, что уже давно ничего не ела, и с радостью отвлеклась на более прозаические потребности.

Эван сел на кровати, потянувшись за одеждой.

– У них здесь прекрасная кухня. Надеюсь, вы не откажетесь от сочного ростбифа?

– Звучит очень заманчиво, – подтвердила Лотта, чувствуя, как у нее в желудке все сжимается от голода. Она готова была бежать вниз, на хозяйскую кухню, откуда доносились такие вкусные запахи. Профессиональная куртизанка, безусловно, закончив любовную игру, вела бы себя утонченно и изысканно, сохраняя загадочность и недосказанность. Лотта же не могла проигнорировать свой разыгравшийся аппетит. Ей трудно бороться с искушением, поскольку последние дни она ела мало. Лотта чувствовала себя настолько расстроенной и несчастной, находясь в борделе миссис Тронг, что просто не могла смотреть на еду, переносить ее запах. А сейчас она просто умирала от голода.

– К тому же здесь подают неплохой ромовый пунш, – добавил Эван, натягивая на крепкие плечи сюртук и отшвырнув на стул смятый шейный платок.

– Следовало бы обзавестись новым перед тем, как мы отправимся дальше, – заметила Лотта.

– Думаю, в этом нет нужды, – весело ответил он и чмокнул ее в губы.

Эван вышел, Лотта осталась одна. Она накинула простыню и лежала, наблюдая, как сплетаются на потолке отсветы уличных фонарей.

Ее мысли все время возвращались к Эвану. Скорее всего, он прав. Он – тот самый мужчина, который ей нужен. Эван происходил из хорошего рода, он опытен в любви и так внимателен к ней. Лотта чувствовала огромную признательность за то, что он вернул ей веру в себя и напомнил, что плотские радости делают жизнь прекрасной. Как ни странно, именно чувство благодарности, переполняющей ее, а не голод заставляли Лотту с нетерпением дожидаться возвращения Эвана, чтобы снова насладиться близостью, которая возрождала ее к жизни. Но перекусить тоже не помешало бы.

И все же было в их связи что-то большее, чем удовлетворение плотской страсти. Лотта знала: стоит лишь заняться любовью с Эваном, как она вновь попадет во власть будоражащих и неуместных чувств, которые, вопреки жизненному опыту, он пробуждал в ней. Такова ее природа. Прежде ей приходилось притворяться, будто она не придает особого значения своим любовным похождениям. В

действительности это то, что лежало на поверхности. А в глубине души она испытывала боль от несбывшихся надежд, которая заставляла вновь и вновь пускаться на поиски. И вряд ли смогла бы объяснить, что пытается найти в этой череде увлечений, но точно знала, что так и не нашла.

Разумеется, с Эваном будет то же самое.

Этот человек купил ее для развлечения, и, что бы ни происходило, ей придется всегда помнить об этом. Эван решил обзавестись любовницей от скуки, приятно скоротать время. Выбор пал на нее. И несмотря на то что он проявил терпение и доброту, нет смысла искать в их отношениях что-то большее. Лотта сделает большую ошибку, если поддастся соблазну снова пуститься на поиски чего-то несуществующего.

Она повернулась, чтобы плотнее завернуться в простыню, защищаясь от холода пустой комнаты. Ранимость – не самая удачная черта для куртизанки. Стоило бы вновь научиться выставлять острые углы. Так поступают настоящие жрицы любви, холодные и бесчувственные, так будет поступать и она. Это – ее будущее.

Эван вернулся с большим подносом, уставленным блюдами, способными угодить здоровому аппетиту. Поев, он уселся у камина читать газету. Лотта, в накинутой на плечи простыне, уселась у окна, наблюдая за публикой на Джордж-стрит, спешащей на балы и в театры. Казалось, сейчас она отрезана от мира, всей этой светской мишуры, прежняя жизнь потеряна для нее навсегда. Пытаясь спастись от внезапно нахлынувшего чувства одиночества, она повернулась к Эвану с явным намерением соблазнить его. С яростной страстью они предались любви. Несмотря на восхитительное наслаждение, в самых глубинах души затаилась все та же душевная боль и потерянности.

Глава 5

Эван проснулся первым. Он лежал и прислушивался к шуму неугомонного Лондона. Уличные торговцы уже зазывали ранних покупателей, тележки молочниц гроыхали по мостовой, голоса, звон копыт, шарканье щеток, метущих улицу. Он всегда любил Лондон с его многолюдностью и суетой, стремлением к

развлечениям и наслаждению. Париж – потрясающий город. Он самодостаточен и величествен, но Лондон всегда занимал особое место в его сердце, что удивительно при полном равнодушии к Англии вообще и к англичанам в частности.

Он немного подвинулся, стараясь не побеспокоить спящую Лотту, свернувшуюся рядом с ним теплым уютным клубочком. Какое-то время Эван смотрел на нее, с удивлением замечая, что испытывает от этого удовольствие. Она спала, дыша тихо и спокойно, легкая улыбка играла на губах, будто во сне все дневные тревоги оставляли ее, выплывая на поверхность сознания только с пробуждением.

Эван не имел привычки оставаться с женщинами на всю ночь. Он старался никогда не нарушать этого правила, чтобы не привязываться ни к кому. В случае с Лоттой у него просто не было выбора. С другой стороны, в отеле было много свободных комнат, так что можно было снять еще одну. Но эта идея даже не пришла ему в голову. Теперь он лежал и думал: почему?

Он спал недолго. А Лотта, утомленная любовью, уснула сразу же, уютно устроившись в его объятиях. Ее шелковистые локоны рассыпались по его обнаженной груди. Проснувшийся Эван лежал и прислушивался к ее сонному дыханию, наслаждался ее теплом. Он был сбит с толку и смущен, словно неожиданно попал туда, где все дышит покоем и исполнением того заветного, в чем сам порой боишься признаться.

«Все, – думал он, – пошло не по плану прошлым вечером». Ему нужна была самая скандальная в свете и печально известная из разведенных дам Лондона Лотта Пализер. Кто ожидал, что она окажется такой удивительно ранимой и трогательной. Вот кого он заполучил в свою постель! Занимаясь с ней любовью, Эван ощущал глубину и сладость, не знакомые ему прежде. Ему чудились в их отношениях близость и проникновенность, выходящие за обычные рамки секса. Это могло оказаться опасным. Те несколько часов, что они провели вместе, очень сблизили их. Эвану даже показалось, будто он переживает и тревожится за нее.

В свое время он имел дело со многими женщинами и почти всегда получал то легкое и нетребовательное удовольствие, к которому стремился. Практически никогда он не затягивал отношений, никогда не проводил с женщинами время вне постели, никогда не испытывал глубокого чувства ни к одной из них. Искусные и изощренные в любви, куртизанки вызывали у него чувство

восхищения. Поэтому то невероятное, незнакомое и абсолютно нежелательное смешение эмоций, которое Эван ощущал от обладания Лоттой Пализер, застало его врасплох. Это не было похоже на прежние мимолетные связи. Он чувствовал себя так взволнованно, словно привел в дом невесту, а не купленную в борделе любовницу. Все началось лишь с небольшого урока искусного обольщения, а привело к гораздо более глубоким последствиям.

Все это иллюзии, попытка обмануть себя.

Он снова пошевелился, и Лотта сонно запротестовала, прильнув к нему плотнее, прижавшись всем телом, пытаясь снова ощутить его тепло и надежность. Эван подавил в себе желание отпрянуть, обособиться. Черт возьми, он боялся – боялся, будто его молили о том, чего он не мог дать. Одновременно пришло понимание того, как много чувств ему приходилось подавлять в себе в прошлом. Эван продолжал лежать рядом, опершись на локоть и поглаживая шелковые пряди ее волос, пропуская их сквозь пальцы. Кожа у нее такая же мягкая. Вся она дышала сладострастием, вызывая желание прелестными изгибами тела, не такого хрупкого, как у других. Лотта манила своей округлой мягкостью и полнотой именно в тех местах, где ему нравилось. Он позволил своей руке пройти по оголенному плечу и спуститься вниз к изгибу пухлого локтя. Лотта снова пошевелилась, подвинулась поближе, щекотно коснувшись сосками чувствительной кожи, затем прижавшись к нему всей очаровательно круглой и полной грудью. Это произвольное движение вызвало в Эване сладкое желание немедленно овладеть ею. Она стала для него тем чувственным соблазном, без которого он не хотел и не мог больше обходиться. Думая об этом, он стал целовать белоснежные округлости ее груди, такие сладостные и искушающие. В самом дальнем уголке сознания затаилось предостережение. Ему никогда прежде не приходилось испытывать столь сильного влечения. Кто бы мог подумать, что именно она станет предметом его вожделения. Это шло вразрез со всеми его ожиданиями.

Возникшая путаница таит в себе опасность. Эмоции опасны не меньше.

Какой-то момент он еще колебался, но все его существо яростно требовало близости. «Это всего лишь секс», – уговаривал себя Эван. Чувства обострились из-за того, что он слишком долго отказывал себе. Он купил ее. Теперь Лотта принадлежит ему, и только он будет обладать ею.

Лотта открыла изумленные, затуманенные сном глаза и улыбнулась ему. Сердце гулко отозвалось в его груди неожиданным приливом нежности.

Она откинулась немного назад, увлекая Эвана за собой. Он перекатился, медленно прикрывая ее сверху и начиная тихо и размеренно любить ее, увеличивая наслаждение с каждым глубоким ударом, достигая пределов, которых раньше не представлял. Казалось, он отдает ей что-то и одновременно сопротивляется этому, пытаясь вернуть. Но мягкая настойчивость ее тела и жадная потребность собственных чувств продвигали его все глубже, сметая препятствия, снова и снова заявляя о своих правах на эту женщину. Дрожь сотрясала его тело, когда они закончили, обессиленные безмерностью испытанного наслаждения, покрытые любовной испариной в жаркой комнате, освещенной лучами высокостоящего солнца.

– Как прекрасно, – тихонько прошептала Лотта, ее глаза закрылись, а горячие губы прижались поцелуем к его плечу. Длинные темные ресницы иголочками легли на прелестные щеки, на губах заиграла улыбка, в которой соединились удовлетворение и понимание своей власти.

– Рад, что вы вновь почувствовали вкус к любовным утехам, – заметил Эван, откидывая в сторону смятые простыни. Его рука скользнула к ее роскошным бедрам. Удивительно, но, едва достигнув удовлетворения, он с новой силой желал ее. Эван чувствовал, что захвачен потоком, который несет его, давая возможность находить и терять, продолжая стремиться к какому-то нескончаемому удовлетворению. Вряд ли он сам отдавал себе до конца отчет, что же влечет его. Как долго он был независим, выбирая и зная, как поступать. С Лоттой ему все время казалось, что он сдает свои позиции, это вызывало протест, даже когда он страстно желал ее, заставляло узнавать ее, исследовать и изучать снова и снова, проникая все глубже и глубже.

Это наваждение необходимо остановить.

Эван сел на кровати, обхватив голову и запустив пальцы в густые волосы. Физическая любовь, как он полагал, должна быть проста, а на деле оказалась чертовски опасна. Он повел себя как влюбленный юнец, изо всех сил старающийся понравиться новой любовнице. Он готов был натянуть на себя простыню и повернуться к Лотте спиной, демонстративно игнорируя ее наготу. Эвану захотелось, чтобы она поняла, насколько мала ее власть над ним. В тот же момент он с удивлением понял, что она старается прикрыться и отвернуться от

него! Эван почувствовал досаду. Он сорвал простыню, отшвырнув ее подальше на матрас. Лотте пришлось лежать обнаженной и беззащитной под его неотступным взглядом.

– Не накрывайтесь, – коротко приказал Эван. – Мне нравится, когда вы обнажаетесь для меня.

Лотта прихватила краешек простыни и, избегая его взгляда, украдкой пыталась подтянуть ее поближе к себе.

– Мне бы хотелось одеться...

– Вы не должны этого делать. Вы – любовница, а это значит, что ваша нагота принадлежит мне и вы должны выполнить мое требование.

Она подняла глаза и дерзко взглянула на него:

– Вы не страдаете деликатностью. Я слишком толстая, чтобы позволять себе выставляться напоказ. Вот и дайте мне наконец встать и одеться.

Эван не стал бы спорить с первой частью высказывания – его достойная осуждения потребность близости с ней способствовала некоторой неучтивости, зато вторая часть очень его заинтересовала.

– Вы – какая? – переспросил он.

– Толстая, – повторила Лотта. За ее вызывающим тоном Эван разглядел вспышку отчаяния. – Я всегда была полноватой. Тогда это было в моде. Но потом, когда я... когда Грегори начал бракоразводный процесс, я почувствовала себя настолько несчастной, что начала есть. В результате денег становилось все меньше, пока я не проела их все. – Бледная улыбка скривила ее губы.

– Вы ели оттого, что были несчастны? – Эван нахмурился. Ему не приходило в голову поинтересоваться, чем она жила те долгие месяцы, пока шел затеянный ее мужем бракоразводный процесс, в результате которого ее выкинули из дома на Гросвенор-сквер, как она чувствовала себя, когда ее имя со скандалом трепали по всем судам. Если он самонадеянно полагал, что возвращает ей

радость прежней жизни, как он был наивен! Без денег, брошенная на произвол судьбы семьей и друзьями, обвиненная в распутстве и осуждаемая всеми, что она могла поделать с собой и своим несчастьем?

– Я, наверное, была больна – ела все подряд, особенно пирожные, булочки, печенье и мороженое, читала дамские журналы, а все остальное время спала.

Она снова потянулась за простыней, и на этот раз Эван не стал ее останавливать.

– Мне кажется, что, только впав в крайнюю нужду, я смогу снова похудеть. Как верблюд в пустыне, – невесело пошутила Лотта.

– Верблюды запасают в горбах воду, а не жир, – заметил Эван.

– Но принцип тот же, – вздохнула Лотта. – Пожалуйста, разрешите мне одеться.

– Еще одну секунду, – попросил он, высвобождая руку и легонько прикасаясь к ее запястью. – Прежде вы не были столь застенчивы.

– Я забываю об этом, – просто призналась она. – Но внутри это чувство всегда присутствует. Особенно когда я вижу себя в зеркале. – Лотта кивнула на большое помутневшее стекло, висящее как раз напротив кровати. – То, что я в нем вижу, убивает меня.

– А мне нравится! Вы не худышка, но именно это и нужно. Вы кажетесь мне такой прелестной, – сказал Эван.

– Прелестной? – переспросила Лотта, широко открыв изумленные глаза.

– Восхитительные формы. Так чувственно, – улыбнулся Эван, наклоняясь вперед и целуя ее. Она несмело и как-то невинно ответила ему. – Нам стоило бы почаще заниматься любовью перед этим зеркалом, и тогда вы сами убедитесь, насколько прекрасны, – прошептал он, целуя ее теплые губы.

Лотта покраснела.

– Не вижу ничего прекрасного, – сухо заметила она. – Вы мне чересчур льстите, милорд.

– Да нет же! У вас божественное тело! Что еще нужно, чтобы убедить вас в этом?

– У вас еще будет такой случай, – ответила Лотта с очаровательной усмешкой. – Но мне действительно необходимо умыться и одеться.

Пока Эван отправился за горячей водой и свежими полотенцами, она завернулась в простыню и занялась исследованием содержимого коробки, которую привезла с собой.

– Чем вы будете заниматься сегодня? – спросила она, стоя на коленях на полу и наблюдая за тем, как он одевается. Босая и взъерошенная, Лотта вновь поразила его тем неожиданным приливом теплых эмоций, от которых сладко щемило сердце. Ему представилось, как она, одинокая и всеми забытая, спасается тем, что то и дело посылает горничную к кондитеру за очередной порцией булочек, пирожных и сливок, в то время как ее собственный муж делает все возможное, чтобы смешать с грязью ее доброе имя. Жестокий прилив злости вдруг охватил Эвана. Что бы ни натворила Лотта в прошлом, но то, что позволил себе Грегори Каминз, было чрезмерно жестоким и непростительным. Он пытался раздавить хрупкую бабочку кузнечным молотом.

– Мне необходимо отлучиться по делу, – несколько неожиданно заключил Эван. Он чувствовал потребность срочно покинуть тепло этой маленькой комнаты. Здесь сконцентрировалось слишком много эмоций. Необходимо разрушить это наваждение, заставить себя думать только о планах, которые привели его в Лондон.

– Хорошо, – согласилась Лотта. Поднявшись, она встряхнула платье, которое держала в руках. Это было единственное приличное платье из тех, что она захватила с собой. – Вот это платье я поглажу, чтобы не выглядеть как кокотка из заведения миссис Тронг.

– Идите и купите себе новую одежду. У вас должно быть что-то подходящее для прогулок и вечернее платье на сегодня. Мы идем в театр.

Лотта пристально посмотрела ему в лицо, стараясь заглянуть в глаза. Эвану показалось, что она испытывает сильное замешательство.

– Мы собираемся выйти в свет?

– Конечно. Если бы у меня было желание спокойно сидеть дома и почитывать газеты, я бы остался в Вонтедже, – сказал Эван.

В этот момент в дверь постучали, и вошел слуга с кувшином горячей воды. Бросив беглый взгляд на Лотту и некоторый беспорядок в комнате, он ухмыльнулся и вышел.

– Да, я понимаю, – тихо произнесла Лотта. Ее голос выдавал подавленность. Хотя Лотта опустила голову, Эван успел увидеть, что она нахмурилась. – Я думала, что... – начала она неуверенно и остановилась. – Я не ожидала, что вы пожелаете...

– ...подразнить вами общество?

– Да, именно так. Вся эта светская толпа состоит из моих прежних знакомых и знакомых моего мужа. Думаю, это может быть неловко...

Эван только пожал плечами, в который раз отгоняя неизвестно откуда накатившую симпатию. Нельзя давать волю чувствам – это он знал слишком хорошо и отводил ей строго определенную роль в своих планах – удовлетворять его физические потребности, по крайней мере пока. Теперь Лотте предстояло продемонстрировать себя свету в качестве его любовницы. Он надеялся, что она сможет привлечь к себе взгляды всех светских сплетников, отвлекая внимание властей от его истинных интересов и дел. В планы Эвана входило использовать Лотту как отвлекающий маневр.

– Я понимаю, но теперь у вас совсем другое положение. Кроме того, вы не обязаны общаться со своими прежними знакомыми, просто быть у них на виду, – сказал он.

– Я все сделаю, как вы просите, – ровным голосом ответила Лотта, но уголки рта опустились, невольно выдавая уныние. Ее совсем не обрадовала перспектива

выставлять себя напоказ перед прежними знакомыми в качестве скандальной любовницы Эвана Райдера. По ее лицу было видно, как протест рвется наружу.

«Нелегко же ей дается роль услужливой наложницы», – подумал Эван.

– Вы будете рядом со мной, – сказал он. – Никто не посмеет быть с вами неучтивым.

– В этом я совершенно уверена. Ни один разумный человек не захочет почувствовать ваш клинок у своего горла, – с некоторым ехидством заметила она.

– Значит, все решено, – заключил Эван.

Он протянул руку, привлекая ее к себе. Лотта замешкалась всего лишь на мгновение, а потом прикинула к нему. Он стал целовать ее страстно, требовательно и настойчиво, заявляя о своих правах на владение ею.

– Помните, что теперь вы со мной, – ослабив объятия, сказал Эван. Радость обладания переполняла его. Еще один поцелуй, и он почувствовал, как она ослабела и поддалась ему. Яркое пламя желаний с новой силой охватило его. Дыхание стало глубоким, а тело задрожало, как только ощутило ее близость.

Да что же с ним происходит, черт побери!

Она села, глядя на Эвана карими светящимися глазами. Мягкие волосы рассыпались золотистыми локонами по обнаженным плечам, делая ее тело еще соблазнительнее. Легкий шелк сорочки подчеркивал очаровательный силуэт.

Эван понимал, что нужно уйти, разорвать эти чары, но все в нем требовало остаться с ней. Такое смешение чувств озадачивало и сбивало с толку.

Он порывисто встал и подошел к столу, на котором лежал мешочек с золотом.

– Я оставляю вам деньги для того, чтобы вы по добрали себе платья. Купите что-то подходящее случаю. Я не хочу, чтобы вы скромничали и выглядели как дебютантка, – отрывисто произнес Эван, широким жестом указывая на деньги.

– Я поняла, что от меня требуется, – ответила Лотта, спокойно выдержав его взгляд.

Эван быстро вышел из комнаты. Чертыхаясь на ходу и перепрыгивая сразу через несколько ступенек, он выскочил на улицу и стремительно зашагал прочь. Он чувствовал физическую потребность скорее увеличить расстояние, которое отделяло его от Лотты. Но разве это могло освободить от воспоминаний о прошедшей ночи! И все же он испытал чувство огромного облегчения, будто избежал неизвестной доселе опасности.

Лотта заметила, с каким облегчением он оставил ее. Об этом свидетельствовала та поспешность, с которой Эван покинул спальню, напряженная линия его плеч, порывистость. Он даже не оглянулся! Лотта немного повздыхала, подбирая вещи, необходимые на день. То сближение, которое они с Эваном ощутили ночью, оказалось таким иллюзорным. Она отдавала себе в этом отчет. Физическая близость ничего не значит. По существу, они – два малознакомых человека, их связь будет продолжаться ровно столько, сколько Эван будет платить. Партнерство и ничего более. Еще прошлой ночью Лотта твердо решила не идти на поводу у своих чувств, не повторять прошлых ошибок, которые так дорого ей обошлись. Он ничего не мог ей дать. Он избегал этого, и ей не следовало обольщаться. Ее ждет будущее стареющей профессионалки, которая останется куртизанкой до тех пор, пока позволяют ее физические возможности. Она просто нарушила правила своей профессии, влюбившись в первого же, кто пожелал стать ее покровителем.

По правде говоря, она совсем не ожидала, что у Эвана подобные планы на день. Ужас охватывал ее при одной только мысли о том, что придется выставять себя напоказ впервые после развода. Она содрогнулась, представив, как ее знакомые станут сплетничать и рассматривать ее, словно экспонат причудливой выставки. Высший свет очень жесток. Она знала, что нужно быть сильной, а чувствовала себя как беспомощный котенок. Значит, понадобится хорошая броня. Что может защитить лучше, чем со вкусом подобранное платье. Оно сможет заслонить ее от обличающих взглядов. Неплохо бы добавить еще шляпку с широкими полями, за которыми можно спрятаться от многочисленных любопытных глаз.

В дверь постучали – пришла горничная за платьем. Передав его, Лотта снова взглянула на те деньги, которые оставил на дневные расходы Эван. Ее губы

искривились в усмешке. Если ему кажется, что этого достаточно для покупки всего, что необходимо к вечернему выходу, то он знает женщин не настолько хорошо, как следовало бы. Но с этими деньгами можно повторить попытку побега, провалившуюся прошлым вечером. Лотта стояла, задумчиво перебирая золотые монеты. Она показала себя так, что вообще непонятно, как Эван решился оставить в ее руках хоть какие-то деньги. Она все стояла, поглаживая и пропуская сквозь пальцы золотые гинеи. Уже испытанное желание забрать их и сбежать снова шевельнулось в самой глубине души. Хорошо бы избежать всего этого бесславного позора, связанного с ее появлением в свете в качестве содержанки.

Но ведь у нее нет союзников и некуда идти... Лотта выпрямилась. Она оденется так, как положено богатой содержанке, и будет улыбаться, пока ее лицо не сведет судорогой, демонстрируя полное безразличие ко всему. Она спрячет весь свой стыд в глубине души, там, где его никто не увидит.

Глава 6

В те времена, когда она еще была светской львицей и хозяйкой модной гостиной, Лотта обожала прогулки в парке. Придерживаясь моды, она выезжала к пяти. Прогулка давала прекрасную возможность посмотреть на других и показать себя, продемонстрировать модные новинки и услышать последние слухи. Похоже, на этот раз они с Эваном дадут пищу для сплетен. Лотта догадывалась, что именно этого он и добивается. Выпрямившись и гордо глядя поверх голов, она старалась не встретиться взглядом ни с кем из прежних друзей и знакомых. Паника холодной змеей выползала из самых дальних уголков души, куда Лотта пыталась ее спрятать. Открытая коляска предоставляла светским зевакам прекрасный обзор, они останавливались, бесстыдно пялясь и даже указывая на них, отпускали замечания, не заботясь о том, чтобы понизить голос.

– Вы узнаете? Это же Эван Райдер, незаконнорожденный и ставший чертовым изменником. У него хватает наглости появляться со своей бесстыдной любовницей! – звучало в толпе.

Яркое солнце слепило, глаза Лотты слезились, несмотря на то что она специально купила себе шляпку с полями, прикрывающими лицо. Она чувствовала, как жар заливает ее под прицелом этих испепеляющих глаз. Она сильнее выгнула спину и подняла подбородок, напряженно застыв на своем сиденье.

«Ни за что не расплачусь!» Она твердила это как заклинание, которое засело в ее памяти с тех детских лет, когда другие дети дразнили ее за то, что она растет без отца, что она – бедная родственница. Она все вытерпела и преодолела, достигнув высокого положения в свете. Она помрачнела, вспомнив, с какой гордостью сама диктовала это мнение. Она и в страшном сне не могла представить себе тогда, что будет свергнута со своего высокого пьедестала. Что ж, она надолго запомнит сегодняшний урок. Если когда-нибудь снова получит возможность влиять на чье-либо мнение, постарается быть добрее. Лотта невольно вздохнула. Вот только не похоже, что это время когда-то снова наступит. Она пала слишком низко, подняться будет очень нелегко, скорее всего – невозможно.

Карета медленно продвигалась в окружении гуляющей публики и других экипажей, в одном из которых молоденькая дебютантка, вся в беленьких кудряшках, с невинным взором обсуждала ее со своим другом.

– Ты знаешь, прежде она была миссис Каминз – вышла замуж за одного ужасно богатого преуспевающего банкира, но просто не могла удержаться от романов с любым, кто предложит. Говорят, она пошла в отца, который слишком свободно относился к любви...

Она захихикала, и ее противный смех звучал все то время, пока карета ехала мимо, всколыхнув в душе Лотты злость и подавленность одновременно.

Она искоса взглянула на Эвана. Для прогулки он нанял роскошный фаэтон с высоко поставленными скамейками, сверкающий зеленым и синим лаком, с двумя эффектными серыми лошадьми. Лотта подозревала, что все это должно ненавязчиво продемонстрировать всем заносчивым зевакам и родственникам, что ему наплевать на их неодобрение. И ей хотелось бы обладать его самоуверенностью.

Эван, словно прочитав ее мысли, отпустил одной рукой поводья и положил ладонь на судорожно сжатый кулачок Лотты в успокоительном пожатии. Он послал ей самоуверенную улыбку.

– Нравится вам все это?

– Естественно, нет! – воскликнула Лотта с сарказмом, в эту минуту совсем позабыв, что пообещала себе играть роль услужливой любовницы, даже если это убьет ее. – Публика только пялится и сплетничает! Как мне все это ненавистно! Не понимаю, как вы терпите, милорд. А главное – зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kornik_nikola/sladkiy-greh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)